СУДЪ ПРАВДЫ НАДЪ СУДОМЪ.

2 экз
С

„Пров

СУДЪ ПРАВДЫ НАДЪ СУДОМЪ.

X

ДѢЛО

О

Г. КВИТНИЦКОМЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВОЕННО-ОКРУЖНОМЪ СУДѢ.

„Amicus Plato, sed magis amica — Veritas."

2-й экз

ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.

LEIPZIG: E. L. KASPROWICZ.

1873.

„Пров 38"
Пров. 1937 г.
„Пров 19"

14398

„Amicus Plato, sed magis amica — Veritas.“

8го и 9го Февраля 1873 года значительная часть населенія Петербурга нетерпѣливо ждала исхода, разсматривавшагося въ тамошнемъ Военно-Окружномъ Судѣ, дѣла о Штабсъ-Капитанѣ 3й Е. И. В. Великого Князя Георгія Михаиловича батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской Бригады Квитницкомъ.

Общій интересъ процесса обусловливался, кромѣ самого рода преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый, еще и тѣми соображеніями, что благодаря продолжительности предварительнаго слѣдствія, производство котораго возложено было даже на *Особую Слѣдственную Коммисію* *), можно было ожидать полнѣйшаго обнаруженія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, о которомъ ходило въ обществѣ столько разнообраз-

*) Составъ Коммисіи: Ген. отъ Инф. Ген.-Ад. Баронъ Бистромъ, Генералъ-Маіоръ Банашъ-фонъ-деръ-Кейтъ, Л. Гв. Преображенскаго полка Флиг.-Ад. Полковникъ Князь Оболенскій и Военный Слѣдователь Надв. Сов. Алексѣевъ.

ныхъ слуховъ, а затѣмъ — справедливой оцѣнки ихъ на судѣ.

Не станемъ говорить о томъ насколько ожиданія эти, благодаря составу Коммисіи, были обезпечены въ ихъ удовлетвореніи; но нельзя умолчать о нѣкоторомъ недоумѣніи, вынесенномъ весьма многими, какъ изъ залы судебнаго засѣданія, такъ и изъ чтенія стенографическаго о процессѣ отчета, помѣщавшагося въ газетахъ. Въ чемъ-же заключалось это недоумѣніе? Не въ томъ, конечно, обстоятельствѣ, что истиннымъ виновнымъ оказался не *обвиняемый*, а *свидѣтели* — такіе случаи встрѣчались въ судебной практикѣ и они весьма возможны — но въ томъ, что обвиненія свидѣтелей основаны были *лишь на непровѣркѣ показаній подсудимаго и личныхъ убѣжденій его защитника.* Бездоказательность этихъ обвиненій признана и Главнымъ Военнымъ Судомъ въ засѣданіи его 7го Марта.

Въ общемъ потокѣ безпрерывно смѣняющихся явленій вседневной жизни, общественное мнѣніе, не имѣя ни времени, ни возможности сосредоточивать свой интересъ *исключительно* на какомъ нибудь отдѣльномъ явленіи, а между тѣмъ основывая о немъ свои сужденія часто только на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ и фактахъ, всё-таки произноситъ свой приговоръ, правильность котораго поставлена въ зависимость отъ силы и убѣдительности первыхъ мимолетныхъ и случайныхъ впечатленій.

Такимъ, какъ намъ извѣстно, былъ *на первыхъ порахъ* приговоръ общественнаго мнѣнія и по дѣлу Г. Квитницкаго. —

Извѣстно, что результатомъ этого процесса было обвиненіе Военно-Окружнымъ Судомъ Бригаднаго Командира и нѣко-

торыхъ офицеровъ Гвардейской Конно-Артиллерійской Бригады, сослуживцевъ Г. Квитницкаго, вызванныхъ въ Судъ въ качествѣ свидѣтелей. Особенность условій, въ которыя свидѣтели *были поставлены* въ Военно-Окружномъ Судѣ, лишила ихъ возможности тамъ-же доказать несправедливость взведенныхъ на нихъ обвиненій; въ Главномъ-же Военномъ Судѣ, какъ учрежденіи кассаціонномъ, т. е. не входящемъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу, всякій протестъ свидѣтелей могъ касаться *только* вопросовъ о нарушеніи Военно-Окружнымъ Судомъ формъ и обрядовъ судопроизводства; а потому остается единственный свободный путь — путь печати, дающій возможность показать неправильность дѣйствій С. Петербургскаго Военно-Окр. Суда и несправедливость его заключеній, построенныхъ исключительно на неправильномъ толкованіи и объясненіи фактовъ.

Право возраженія противъ несправедливости составляетъ неотъемлемое право каждаго. Въ этомъ и заключается цѣль настоящей брошюры; появленіе-же ея *только теперь* и внѣ Россіи обусловлено, кромѣ независѣвшими лично отъ пишущаго эти строки причинами, еще и тѣмъ соображеніемъ, что общественному мнѣнію, въ данномъ случаѣ, для правильной провѣрки первыхъ его впечатленій, которыя не могли быть иными какъ только односторонними, необходимо было дать время освободиться отъ того характера страстности, который до нѣкоторой степени могъ бы еще мѣшать спокойному отношенію къ дѣлу, получившему такую громкую извѣстность. Этими словами мы отвѣчаемъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которымъ появленіе настоящей брошюры покажется нѣсколько запоздалымъ.

Получивъ возможность близко и обстоятельно ознакомиться съ сущностью дѣла, изъ разсмотрѣнія подлинныхъ документовъ всего слѣдственнаго производства и изъ безчисленнаго множества собранныхъ нами устныхъ свѣдѣній, дѣло Г. Квитницкаго представилось намъ совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ старались его изобразить на судѣ, надъ дѣйствіями котораго видимо тяготѣло давленіе администраціи. Въ этомъ процессѣ собственно личность подсудимаго не играла существенной роли. Дѣлу, какъ увидимъ ниже, желали придать извѣстный характеръ и потому лицамъ, руководившимъ ходомъ процесса, представлялось безразличнымъ: является-ли на скамьѣ подсудимыхъ Г. Квитницкій, или другой офицеръ. Совпаденіе-же по времени дѣда Г. Квитницкого съ эпохою извѣстнаго движенія въ высшихъ сферахъ нашего военнаго управленія даетъ намъ нѣкоторое объясненіе причинъ административнаго давленія на судъ.

Дѣло Г. Квитницкаго, само по себѣ весьма, очевидное не могло бы быть такъ извращено еслибы лицамъ, составляющимъ извѣстную партію противниковъ образа дѣйствій, направленія и мѣропріятій Военнаго Министерства, это извращеніе не казалось пригоднымъ, какъ и много другихъ ничтожныхъ средствъ, для оправданія ихъ неосновательныхъ толковъ и мнимо-патріотическихъ воплей о гибельности произведенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе реформъ и нововведеній по всѣмъ отдѣлатъ военной организаціи въ Россіи. Противники этихъ реформъ, не будучи въ состояніи, или скорѣе не желая оцѣнить ихъ настоятельности, ограничиваются огульнымъ нарицаніемъ всякой новой и свѣжей мѣры, не отвѣчающей ихъ застарѣлымъ и предразсудочнымъ понятіямъ,

не всегда свободнымъ даже отъ личныхъ своекорыстныхъ видовъ. Но органически отживающія понятія и принципы не могутъ уже прозябать на почвѣ новыхъ идей, вызванныхъ потребностями самой жизни и постепенно уступая великой силѣ духа времени, отодвигаются на задній планъ, становясь достояніемъ исторіи, потомъ преданій и наконецъ вовсе исчезая въ полномъ забвеніи! Таковъ законъ двухъ великихъ дѣятелей въ мірѣ — времени и прогресса! Сторонники стараго и отжившаго порядка вещей, особенно если имъ при немъ было хорошо, закона этого признать не хотятъ; съ новой идеей, съ новой мѣрой они ведутъ отчаянную борьбу, прибѣгая часто даже къ несовсѣмъ позволительнымъ средствамъ. Остановить прогрессъ — они не въ силахъ; но въ значительной степени тормозятъ его, безполезно увеличивая время необходимое всякой честной идеѣ, чтобы стать достояніемъ массъ и принести ожидаемый отъ нея полезный результатъ.

Говоря о противникахъ нашихъ военныхъ преобразованій, намъ невольно приводятъ на память вопли отчаянія, раздавшіеся въ средѣ нѣкоторыхъ военныхъ старожиловъ, поклонниковъ стараго порядка вещей, когда въ 1863 году наше военно-уголовное законодательство, подъ вліяніемъ духа времени и современныхъ требованій, нашло возможнымъ отрѣшиться отъ господствовавшаго въ войскахъ полнаго произвола въ наложеніи дисциплинарныхъ взысканій; вмѣстѣ съ этимъ царству палочной системы и варварству тѣлесныхъ истязаній положенъ былъ конецъ: дано гуманное и систематическое (а не такое какъ прежде) положеніе, точно опредѣляющее степень и предѣлы власти и права каждаго началь-

ника отъ самаго низшаго до самаго высшаго. Въ этой отмѣнѣ палокъ и произвола нѣкоторые видѣли вѣрное ручательство упадка дисциплины, которую разумѣли только въ смыслѣ *страха* младшаго передъ старшимъ, а затѣмъ предсказывали утрату доблести и славы въ будущемъ русской арміи. Они не додумались даже до мысли, что подобными утвержденіями наносилось ими оскорбленіе цѣлой націи, всему русскому народу, отдающему арміи своихъ лучшихъ представителей. Этотъ-то цвѣтъ народа — эта армія, по понятіямъ ея-же старожиловъ, могла выработаться въ грозную, доблестную и могучую силу только благодаря господству и разгулу палки! Введеніе затѣмъ правильной и гласной системы судопроизводства въ войскахъ вызвало и противъ этой настоятельно-необходимой мѣры ожесточеніе со стороны тѣхъ-же противниковъ всякаго новаго мѣропріятія. Канцелярская, аудиторская система старыхъ военныхъ судовъ, проникновеніе въ которые зависѣло отъ произвола сильныхъ; возможность обдѣлывать тамъ дѣлишки всякими способами; тянуть, если это нужно, производство дѣлъ по нѣсколько десятковъ лѣтъ — такая система, при которой правосудію приходилось играть часто смѣшную и обидную роль, конечно болѣе соотвѣтствовала устарѣлымъ понятіямъ о судѣ; но жить и существовать она уже не могла: старая система рухнула со всѣми своими аттрибутами — явились новые военные суды. Непримиримый врагъ всякой келейности и замкнутости — гласность въ значительной степени обуздала своеволіе лицъ, привыкшихъ къ прежнимъ безконтрольнымъ порядкамъ. Говоримъ въ значительной степени, а не *безусловно* на томъ основаніи, что къ сожалѣнію и нынѣшніе новые военные суды, постав-

ленные въ подчиненіе мѣстной военной администраціи, уже по самому духу военной подчиненности и дисциплины не свободны отъ возможнаго давленія со стороны администраціи, виды которой не всегда способны согласоваться съ интересами правосудія.*) Такое исключительное положеніе нашихъ военныхъ судовъ дѣлаетъ ихъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи, какъ это явно подтвердилось въ дѣлѣ Г. Квитницкаго. Извращеніемъ внутренняго смысла обстоятельствъ, предшествовавшихъ проступку Г. Квитницкаго и представленіе ихъ въ такомъ извращенномъ видѣ на судѣ, давало администраціи, какъ ей казалось, удачный способъ доказать не только несостоятельность, но и гибельныя послѣдствія введенныхъ нынѣшнимъ военнымъ министерствомъ реформъ въ порядкѣ отправленія правосудія въ войскахъ. Въ ряду всѣхъ, взводимыхъ на военное министерство нелѣпыхъ и недостойныхъ обвиненій, несостоятельность которыхъ рушилась силою и убѣдительностью представленныхъ противъ нихъ фактическихъ опроверженій, въ ряду этихъ обвиненій, говоримъ мы, существуетъ еще одно старое измышленіе, заключающееся въ томъ, что будто бы, введеніемъ новыхъ военно-судебныхъ порядковъ и особенно учрежденіемъ во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ войскъ *Судовъ общества офицеровъ*, министерство содѣйствуетъ распространенію и поддержанію въ войскахъ вредныхъ либеральныхъ началъ и тѣмъ само явно содѣйствуетъ упадку въ нихъ дисциплины и развитію деморализаціи.

---

*) Чины полкового Суда непосредственно подчинены полковому Командиру, а Окружнаго-Командующему войсками того округа.

Мы не станемъ доказывать всю неосновательность подобныхъ сужденій. Для людей со смысломъ и знакомыхъ съ тѣмъ, что было въ войскахъ прежде въ этомъ отношеніи и съ тѣмъ, что мы видимъ теперь — это не нужно; но мы не можемъ не замѣтить, что едва-ли писанныя и систематическія законоположенія, какъ бы либеральны онѣ небыли, обезпечиваютъ порядокъ и дисциплину менѣе нежели отсутствіе закона и царство произвола, какъ это у насъ было еще такъ недавно. Видно еще не всѣ способны отрѣшиться отъ произвола и не всѣ способны уразумѣть простую истину, что въ признаніи за каждымъ лицемъ въ государствѣ неприкосновенности извѣстныхъ его естественныхъ и юридическихъ правъ заключается одно изъ средствъ къ достиженію возможнаго благоденствія страны. Истинная свобода немыслима при отсутствіи твердыхъ началъ, на которыхъ покоилось-бы право!

Внимательно слѣдя за ходомъ процесса Г. Квитницкаго и получивъ возможность провѣрить все слышанное и видѣнное нами въ залѣ судебнаго засѣданія съ тѣми письменными документами, которые имѣлись въ рукахъ суда и остались для публики скрытыми и неизвѣстными, а также, какъ выше сказано, собравъ множество устныхъ свѣдѣній о разбиравшемся дѣлѣ, мы пришли къ полнѣйшему убѣжденію, что Петербургскій Военно-Окружной Судъ дѣйствовалъ не самостоятельно, а повинуясь инсинуаціямъ свыше и тѣмъ представилъ все дѣло въ совершенно извращенномъ видѣ. Уронить значеніе и достоинство правосудія, выгородить истинныхъ виновниковъ, оклеветать невинныхъ и прочія надобныя дѣйствія казались

позволительными въ глазахъ лицъ, давшихъ процессу извѣстное направленіе!

Кто слѣдилъ за ходомъ процесса — лично или чрезъ посредство напечатаннаго стенографическаго отчета *) — тому не могло не броситься въ глаза, что *вызванные защитою свидѣтели*, давая свои отвѣты почти исключительно на вопросы защитника и вовсе не будучи спрашиваемы представителемъ обвинительной власти, **) были тѣмъ самымъ совершенно лишены возможности не только опровергнуть взведенныя подсудимымъ на нихъ обвиненія, но даже не могли и подозрѣвать въ чемъ собственно обвиненія эти заключались. Для незнакомыхъ съ формальностями слѣдствій на судѣ объяснимъ, что подсудимый даетъ свои показанія *первымъ* и въ отсутствіи вызванныхъ по его дѣлу свидѣтелей, а эти послѣдніе даютъ ихъ по одиначкѣ и въ отсутствіи слѣдующихъ за ними. Такимъ образомъ всякій дающій свои показанія не знаетъ что говорено было на судѣ до него. Процессъ-же Г. Квитницкаго представлялъ ту особенность, что допросъ свидѣтелей произво-Гольмдился только защитою, а помощникъ прокурора Капитанъ блатъ не провѣрялъ справедливость показаній подсудимаго и личныхъ мнѣній его защитника. Принятіе всѣхъ показаній на вѣру, безъ провѣрки справедливости ихъ перекрестными допросами, а иногда и очными ставками, не можетъ привести къ раскрытію истины т. е. къ первѣйшей задачѣ Правосудія. Послѣ этого нельзя не догадываться о цѣли, которую имѣлъ

---

*) „Голосъ“ NN. 40—49.

**) Прокуроромъ.

С. Петербургскій Военно-Окружный Судъ, допустивъ токой порядокъ производства дѣла.

Чтобы еще нагляднѣе показать насколько дана была свидѣтелямъ возможность обнаружить истину и опровергнуть взведенныя на нихъ обвиненія, приводимъ изъ стенографическаго отчета подлинныя слова прокурора Капитана Гольмблата, произнесенныя имъ въ засѣданіи 9го Февраля: *) «*Многія изъ лицъ, упомянутыхъ и Квитницкимъ и его защитникомъ, упомянутыхъ конечно вслѣдствіе увлеченія, которое неминуемо должно было овладѣть защитою въ этомъ дѣлѣ, многіе изъ нихъ или небыли спрошены здѣсь на судебномъ слѣдствіи или совсѣмъ не были вызваны. И даже многіе изъ спрошенныхъ не могли ничего заявить намъ въ свое оправданіе, будучи посажены на свои мѣста.*» Затѣмъ Прокуроръ продолжаетъ: «..... *они* (т. е. свидѣтели) *слѣдовательно были нѣкоторымъ образомъ безоружны, а потому и слѣдуетъ относиться съ чрезвычайной осторожностью къ тому, что было сказано о нихъ.*» Кромѣ того необходимо прибавить, что предсѣдатель суда **) каждому вновь призывавшемуся свидѣтелю (начиная съ Генерала Губскаго) предлагалъ отвѣчать *на вопросы защитника* ***) и неоднократно напоминалъ отвѣчать *только на вопросы.*

Такой порядокъ опроса свидѣтелей, какъ существенное нарушеніе ст. 787 кн. 24 ч. 6й Свода Военныхъ постанов-

---

*) „Голосъ“ N. 49.

**) Генералъ-Маіоръ Дебоа.

***) „Голосъ“ NN. 44 и 46.

леній, *) указанъ былъ въ кассаціонной жалобѣ одного изъ свидѣтелей; но къ удивленію оказалось, что протоколомъ судебнаго засѣданія обстоятельство это не подтверждается! Чѣмъ-же это объяснить? преднамѣреннымъ-ли искаженіемъ факта, или случайною ошибкою секретаря, составлявшаго протоколъ и можетъ быть привыкшаго писать его по опредѣленной рутинной формѣ? И то и другое одиноково возможно и мы даже охотно готовы были бы вѣрить въ лучшее изъ этихъ предположеній, если бы вообще намъ меньше пришлось удивляться всему тому, чему мы были очевидцами въ С. Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ.

О содержаніи протокола свидѣтели не знали; но конечно не предполагали въ немъ такаго искаженія факта. Засѣдавшій-же въ судѣ помощникъ прокурора Капитанъ Гольмблатъ, по своей обязанности, просматривалъ протоколъ и если сперва отъ его вниманія ускользнуло упущеніе предсѣдателя на судѣ, а потомъ — неправильность записаннаго въ протоколъ, то мы вправѣ уже думать, что или помощникъ прокурора не твердъ въ знаніи своихъ обязанностей, или онъ *обязанъ былъ дѣлать видъ,* что не замѣчаетъ упущеній и неправильностей....

Присутствуя въ залѣ засѣданія и внимательно слѣдя за всѣмъ происходившемъ въ ней, мы слышали сами и очень хорошо помнимъ, что всякій разъ первыя слова предсѣдателя къ каждому свидѣтелю, начиная съ Генерала Губскаго, заключали въ себѣ предложеніе отвѣчать на вопросы защитника.

---

*) По этой статьѣ свидѣтелю предлагается разсказать все, что ему извѣстно по дѣлу, а не стѣснять его только отвѣтами на вопросы защитника. —

Замѣчательно, что это обстоятельство подтверждается и стенографическимъ отчетомъ. Противъ протокола возражать нельзя; онъ имѣетъ силу неопровержимаго судебнаго акта. Говоря-же о егоневѣрности мы только констатируемъ фактъ, ссылаясь при этомъ не только на то, что сохранила намъ память, но и на стенографическій отчетъ.

Результатомъ процесса былъ извѣстный приговоръ подсудимаго и привлеченіе къ отвѣтственности передъ начальствомъ Командира Гв. Конно-Артиллерійской Бригады и нѣсколькихъ офицеровъ *за будто бы обнаруженныя на судѣ* неправильныя ихъ дѣйствія.

Такъ какъ неправильность (?) этихъ дѣйствій *обнаружена* была *только* подсудимымъ и его защитникомъ, то нѣкоторые изъ свидѣтелей, *) находя обвиненія ихъ несправедливыми и не провѣренными Военно-Окружнымъ Судомъ, подали кассаціонныя жалобы въ Главный Военный Судъ, который рѣшеніемъ своимъ отмѣнилъ постановленіе о нихъ Окружнаго Суда, оставивъ въ немъ только тѣ указанія неправильныхъ *будто бы* дѣйствій, сужденіе о правильности которыхъ даже не можетъ быть дѣломъ Суда, а должно быть предоставлено начальству, которому и надлежитъ рѣшить на сколько указанія эти основательны.

Предѣлы кассаціонныхъ жалобъ по закону такъ тѣсны, что не выходить изъ нихъ, когда оправданіе привлеченныхъ

---

*) Генералъ-Маіоръ Губской, Полковникъ Хлѣбниковъ, Штабсъ Капитаны Шатовъ 2й и Кехли и Поручики Поповъ и Щербинскій. — Капитанъ Шатовъ 1й кассаціонной жалобы не подавалъ, будучи уже въ полномъ психическомъ разстройствѣ. — Намъ не извѣстно почему другіе свидители не кассировали приговоръ. —

къ отвѣтственности лицъ можетъ быть основано только на опроверженіе показаній противной стороны, почти невозможно, или требуетъ особаго искусства, котораго нельзя ожидать отъ лицъ неопытныхъ въ судебной защитѣ, и возлагавшихъ всѣ надежды на безъискуственную правду, высказать которую Главный Военный Судъ не могъ имъ позволить, не выходя при этомъ изъ предѣловъ вѣдомства кассаціоннаго учрежденія. Такимъ образомъ въ засѣданіи Главнаго Военнаго Суда, 7 Марта, даже повѣренный привлеченныхъ къ отвѣтственности свидѣтелей былъ остановленъ Предсѣдателемъ на полусловѣ.

Въ настоящей брошюрѣ, желая только, чтоды правда была наконецъ узнана и вовсе не имѣя ни намѣренія ни даже возможности вліять на участь Г. Квитницкаго, тѣмъ болѣе, что она уже рѣшена Высочайшею конфирмаціею, мы имѣемъ только въ виду изложеніе сущности того, что при иныхъ условіяхъ было-бы изложено на судѣ. Будемъ по возможности кратки и коснемся только нѣкоторыхъ особенно выдающихся частей показанія Г. Квитницкаго и рѣчи его защитника, а также и нѣкоторыхъ свидѣтелей, насколько это необходимо для опроверженія взведенныхъ Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ обвиненій на товарищей Г. Квитницкаго.

Г. Квитницкій и его защитникъ, приводя въ своихъ рѣчахъ огромное множество противъ свидѣтелей обвиненій, даютъ намъ возможность всѣ эти обвиненія (по их ъпроду) сгруппировать въ четыре отдѣльныя категоріи, которыя въ сущности могутъ резюмироваться въ четыре слѣдующіе пункта:

1) *безпричинность общаго* къ Г. Квитницкому нерасположенія его товарищей;

2) *интриги* противъ Г. Квитницкаго, съ цѣлью побудить его оставить службу въ Бригадѣ, чтобы этимъ открыть младшимъ офицерамъ движеніе къ производству;
3) *неосновательность и незаконность* поводовъ къ обсужденію неудовольствій противъ Г. Квитницкаго Судомъ общества Офицеровъ и
4) *отказы* Г. Квитницкому въ удовлетвореніи за нанесенное ему оскорбленіе.

Этими четырмя пунктами исчерпываются всѣ обвиненія, взведенныя на офицеровъ Г. Квитницкимъ и его защитникомъ. Посмотримъ-же теперь въ какой степени обвиненія эти основательны?

Штабсъ-Капитанъ Квитницкій поступилъ изъ 3й батареи*) Гвардейской Конной Артиллеріи въ Академію Генеральнаго Штаба въ 1866 году. Въ теченіи 2хъ лѣтняго пребыванія въ ней, онъ *не принадлежалъ* къ кружку офицеровъ петербургскихъ батарей, какъ это могло быть, еслибы съ одной стороны онъ, а съ другой-эти офицеры того пожелали. Какія были причины, по которымъ *они* не искалъ съ ними сближенія — мы не знаемъ; но между его товарищами въ Петербургѣ ходилъ тогда слухъ, что Г. Квитницкій избралъ поступленіе въ Академію какъ благовидный способъ оставить 3ю батарею, въ которой онъ не сходился съ товарищами; слухъ этотъ тогда подтверждался и прежнимъ товарищемъ Г. Квитницкаго по 3й батареѣ Подпоручикомъ Рудаковымъ, перешедшимъ въ послѣдствіи на службу въ Петербургъ. Подобный слухъ

*) Расположена въ Варшавѣ.

естественно не могъ располагать товарищей въ пользу Г. Квитницкаго и потому они не были расположены искать съ нимъ близости.

Бывшій одновременно съ нимъ въ Академіи 3й батареи Штабсъ-Капитанъ Таль видѣлся съ ними весьма часто и бывалъ въ ихъ обществѣ, когда находилъ свободное отъ занятій по Академіи время; бывалъ на ихъ общихъ обѣдахъ, праздникахъ и проч.; словомъ это былъ товарищъ, который не считался ими отсутствующимъ; тогда какъ Г. Квитницкій былъ какимъ-то отрѣзаннымъ ломтемъ, приращенія котораго къ цѣлому никому не желалось. На общіе обѣды и во всякія другія товарическія собранія офицеровъ Г. Квитницій не приглашался; ничего общаго онъ со своими петербургскими товарищами не имѣлъ. Однимъ словомъ, онъ былъ въ положеніи нелюбимаго товарища.

Объяснить такое его положеніе *уже въ то время* намъ теперь трудно; но фактъ нерасположенія къ нему подтверждается всѣми и товарищи его хорошо это помнятъ.

Кто знаетъ что̀ такое товарищи вообще, тому понятно какимъ образомъ раздѣляются они на любимыхъ и нелюбимыхъ. Чѣмъ это опредѣлятся (сразу и почти всегда безошибочно) не беремся разрѣшать; но что въ этихъ опредѣленіяхъ играетъ роль могучая сила какого-то чутья — это не подлежитъ сомнѣнію. Противъ возраженія, что въ Гвардейской конной Артиллеріи у Г. Квитницкаго было два-три товарища болѣе или менѣе съ нимъ близкихъ, замѣтимъ, что какъ бы не былъ тѣсно сплоченъ товарищескій кружекъ, въ немъ не можетъ не быть индивидуальныхъ различій между его членами, а потому и бо̀льшаго или меньшаго различія въ сужденіяхъ ихъ объ

одномъ и томъ-же предметѣ; этимъ объясняется почему въ товарищескихъ кружкахъ, даже самыхъ тѣсныхъ, оцѣнка каждаго члена остальными не можетъ быть безусловно единогласна. Однако между этими индивидуально различными оцѣнками и сужденіями можетъ быть проведена одна общая равнодѣйствующая, которая и будетъ такъ сказать *среднимъ* сужденіемъ уже *всего общества* о каждомъ отдѣльномъ его членѣ. Равнодѣйствующая эта различна для различныхъ членовъ и опредѣляетъ положеніе каждаго въ числѣ любимыхъ или нелюбимыхъ. Эта равнодѣйствующая имѣетъ свою формулу, выразившуюся въ народной поговорѣ: *гласъ народа — гласъ Божій?*

Съ простыми словами: любимъ или нелюбимъ товарищами — всѣ привыкли соединять опредѣленное понятіе объ оцѣнкѣ личности, къ которой относятся тѣ, или другія слова. Едва-ли вышесказанное можетъ быть основательно опровергнуто.

Равнодѣйствующая для Г. Квитницкаго свела его сразу въ группу *нелюбимыхъ;* это его несчастіе и виновата въ томъ его собственная природа! Погубила-же его, сколько мы знаемъ, настойчивость, съ которою онъ полагалъ возможнымъ пренебрегать общимъ къ нему нерасположеніемъ товарищей, ставъ въ положеніе особняка. Пренебреженіе это со стороны Г. Квитницкало не могло бытъ только пассивнымъ, или безмолвнымъ; оно весьма часто выражалось, хотя пожалуй и въ ничтожныхъ фактахъ, если каждый изъ нихъ разсматривать отдѣльно, но всегда въ такихъ, которые бывъ не сродны остальному обществу, содѣйствовали только укрѣпленію неудовольствій противъ него его товарищей, а своею *суммою*

довели наконецъ массу этихъ неудовольствій до невыносимости.

Насильно милъ не будешь, говоритъ другая пословица и если бы Г. Квитницкій умѣлъ во-время понять ея непреложность, то вѣроятно давно оставилъ бы общество, къ которому подходилъ такъ мало и для перемѣны отношеній съ козорымъ онъ ничего съ своей стороны не дѣлалъ. Это уже положительно его ошибка.

Непомѣрная гордоодсть и самобольщеніе, замѣчательная строптивость характера — не могутъ почитаться качествами, дающими право на расположеніе товарищей; а потому исключительно на эти личныя свои свойства Г. Квитницкій долженъ пенять за все съ нимъ случившееся и онъ напрасно пытался объяснить всѣ свои дѣйствія несправедливостями и гнетеніями, подъ давленіемъ которыхъ будто бы находился.

Вотъ характеристика Г. Квитницкаго, частью какъ человѣка вообще и полная какъ товарища.

Защитникъ его Г. Герардъ ничѣмъ не доказалъ существовавшей въ Гвардейской Конной Артиллеріи противъ Г. Квитницкаго *интриги,* да еще съ цѣлью побудить его оставить службу *для того только, чтобы этимъ открыть вакансію къ производству младшихъ офицеровъ!* Одно уже то обстоятетьство, что не смотря на бездоказательность своихъ словъ, защитникъ рѣшается указывать на цѣль интриги, которую справедливо называетъ *странною и безнравственною,* можетъ служить яснымъ доказательствомъ того, что Г. Герарду совершенно не извѣстно общество, которое онъ позволяетъ себѣ оскорблять такою клеветою.

Фактическихъ опроверженій такаго обвиненія можно привести очень много; но мы полагаемъ сдѣлаемъ лучше опро-

вернувъ тѣ части показаній Г. Квитницкаго, которымъ Г. Герардъ такъ безусловно *вѣритъ* и которыми они оба стараются доказать существовавшую *интригу*.

Предварительно считаетъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что подобное нареканіе на общество совершенно бездоказательно: кѣмъ и чѣмъ подтвердилось оно на судѣ? Кому задавались по этому предмету вопросы? Голословность обвиненія сама по себѣ уже неблаговидна; но мы хотимъ обнаружить еще невѣрность или *лживость* его.

Признавая невозможный принципъ — выживаніе изъ своего общества офицера за то только, что онъ старше другихъ — руководящимъ товарищескими отношеніями между офицерами Гвардейской Конной Артиллеріи, защитникъ долженъ былъ бы допустить тамъ такую систему выживанія старшихъ, что она стала бы похожею на самоистребленіе, такъ какъ каждый офицеръ имѣетъ старшихъ себя и только одному самому младшему офицеру обезпечено было бы спокойствіе, потому что выживаніе его не представляло бы никому никакого интереса.

Гдѣ, въ какой части войскъ видѣли это Г. Квитницкій и его защитникъ? Неужели въ Гвардейской Конной Артиллеріи, служба въ которой, какъ намъ достовѣрно извѣстно, была, всегда пріятна искренностью товарищескихъ отношеній! Кто тамъ всѣ старшіе офицеры? — Это все люди прослужившіе въ Конной Артиллеріи около 20ти лѣтъ; не могъ-же указать Г. Герардъ, чтобы кого нибудъ изъ нихъ выживали, въ силу выдуманнаго имъ-же самимъ принципа!

Для объясненія причинъ несправедливыхъ будтобы неудовольствій къ нему его товарищей, Г. Квитницкій и его за-

щитникъ указываютъ на то обстоятельство, что возвратясь изъ Академіи снова во фронтъ Г. Квитницкій задерживалъ собою движеніе къ производству младшихъ офицеровъ и что это вызвало противъ него гоненіе! Чтобы приготовить слушателей къ бо̀льшей вѣрѣ въ правоту подобныхъ увѣреній, Г. Квитницкій, еще въ началѣ своихъ показаній*) говоритъ, что поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба *убѣдившись, что для строеваго артиллерійскаго офицера мало знать одинъ артиллерійскій строй, что необходимо и полезно высшее образованіе.* Это убѣжденіе было причиною поступленія его въ академію въ 1866 году.

Говоря такимъ образомъ, Г. Квитницкій даетъ нѣкоторымъ поводъ думать, что, получивъ въ Академіи высшее образованіе, онъ вышелъ оттуда съ какими нибудь тоже высшими права̀ми и тѣмъ разумѣется заручился важными преимуществами передъ своими товарищами, которые ихъ не имѣли. Г. Герардъ вѣроятно этому тоже повѣрилъ; но посмотримъ насколько все это похоже на правду.

Сколько намъ извѣстно, артиллерійскіе офицеры, по своему образованію, стоя̀тъ выше знанія *одного артиллерійскаго строя* и вѣроятно не менѣе Г. Квитницкаго убѣждены *въ полезности* высшаго образованія; остается удивляться, что къ такому убѣжденію Г. Книтницкій пришелъ только послѣ шести лѣтъ службы и по окончаніи курса въ Артиллерійской Академіи, въ которой могъ получить высшее спеціальное образованіе; но какъ оказывается, по собственнымъ же его словамъ, онъ вынесъ оттуда только знаніе

*) „Голосъ“ N. 41.

одного артиллерійскаго строя. Между тѣмъ этого-то именно знанія онъ оттуда вынести никакъ не могъ, такъ какъ въ артиллерійской академіи никакихъ строевыхъ занятій нѣтъ. Значитъ итогъ вынесенныхъ имъ изъ артиллерійской академіи свѣдѣній оказывается болѣе чѣмъ скуднымъ.

Мы не знаемъ какой запасъ научныхъ познаній вынесъ Г. Квитницкій изъ Академіи Генеральнаго Штаба; но если примемъ въ соображеніе, что изъ той и другой академій онъ выпущенъ *по 2му разряду* и за успѣхи въ наукахъ не получилъ ни чина, ни другихъ преимуществъ и по выпуску оказался: въ Академіи Генеральнаго Штаба изъ 24хъ выпущенныхъ офицеровъ — 20мъ, а въ Артиллерійской: изъ 45 выпущенныхъ офицеровъ — 43мъ, то о достоинствѣ вынесеннаго имъ высшаго военнаго образованія, къ которому онъ будто бы стремился и о которомъ такъ громко заявлялъ въ судѣ, мы можемъ судить гораздо вѣрнѣе, основываясь на вышеприведенныхъ цифрахъ нежели на личныхъ его увѣреніяхъ.

Кромѣ того, въ бытность свою въ Академіи Г. Квитницкій считался въ командировкѣ, а по окончаніи курса сталъ по старшинству въ свое прежнее мѣсто.

Какой-же смыслъ могутъ имѣть увѣренія, что Г. Квитницкій вызывалъ неудовольствія своихъ товарищей за то только, что окончилъ курсъ въ Академіи?! На подобную нелѣпость смѣшно даже возражать. Въ Гвардейской Конной Артиллеріи, какъ оказывается, Г. Квитницкій былъ не единственнымъ офицеромъ изъ числа окончившихъ курсъ въ академіяхъ. Одновременно съ нимъ тамъ служили слѣдующіе офицеры, окончившіе курсъ въ академіяхъ: Полковникъ Чер-

ницкій, Полковникъ Ланцъ, Капитанъ Доппельмайръ, Штабсъ-Капитанъ Виноградскій (перешелъ въ Генеральный Штабъ) Штабсъ-Капитаны Ореусъ и Баронъ Корфъ, Поручики Ланге и Хитрово. Изъ нихъ только Штабсъ-Капитаны Ореусъ и Баронъ Корфъ были въ 4й батареѣ, остальные-же всѣ служили во 2й, которая слѣдовательно была особенно богата такими офицерами, а между тѣмъ и въ этой послѣдней батареѣ Г. Квитницкій, *среди такъ сказать своихъ,* не ужился и возбуждалъ противъ себя неудовольствія. Ни одинъ изъ этихъ офицеровъ не сказалъ бы, что терпѣлъ неудовольствія отъ товарищей за то, что былъ въ Академіи. Г.-же Квитницкій увѣрялъ въ своихъ показаніяхъ на судѣ, что товарищи находили, что ему слѣдовало служить въ штабахъ, а не въ строю; въ этомъ онъ видѣлъ выживаніе себя и все съ тою-же цѣлью — открыть вакансію къ производству *младшихъ*! Кто-же это находилъ? Самъ Г. Квитницкій въ показаніяхъ своихъ ни на кого не указываетъ. Изъ свидѣтелей-же никто этого не заявлялъ и даже защитникъ никому не нашелъ нужнымъ по этому поводу дѣлать вопросы. Неужели-же справедливо было придавать такую вѣру показаніямъ одного Г. Квитницкаго?! Противъ нихъ приведемъ слѣдующія собранныя нами свѣдѣнія.

1) Въ теченіи 4хъ лѣтней службы Г. Квитницкаго въ петербургскихъ батареяхъ переведены туда изъ полевой артиллеріи, по распоряженію начальства, шесть офицеровъ: Поручикъ Князь Оболенскій, Штабсъ-Капитанъ Поповъ, Поручикъ Гамильтонъ, Штабсъ-Капитаны Ланге и Хитрово — послѣдніе двое изъ Академіи и переведены даже сверхъ комплекта; нѣсколько раньше переведенъ былъ изъ Штабсъ-Ротмистровъ

Кирасирскаго Ея Величества полка Г. Чарковскій. Всѣ эти офицеры переведены въ Гвардейскую Конную Артиллерію Поручиками и стали *старше очень многихъ,* между тѣмъ никто не думалъ ихъ выживать, всѣ они и теперъ на лице.

2) Недавно еще, въ этихъ-же батареяхъ, былъ случай удержанія офицера (Поручика), намѣревавшагося оставить Гвардейскую Конную Артиллерію, по разстроеннымъ его матеріальнымъ средствамъ и вслѣдствіе желанія продолжать службу въ другомъ мѣстѣ со своимъ роднымъ братомъ. Товарищи уговорили его остаться и даже предлагали поддержку въ матеріальныхъ средствахъ. Офицеръ этотъ, оцѣнивъ въ то время искренность предложенія товарищей, остался.

3) Послѣ несчастнаго случая 26 Ноября 1872 года Полковникъ Хлѣбниковъ подалъ въ отставку на другой-же день; но она была задержана и вечеромъ былъ ему поднесенъ адресъ, за общею подписью Бригаднаго Командира и всѣхъ офицеровъ. Полковникъ Хлѣбниковъ не легко уступилъ продолжительнымъ настояніемъ товарищей.

Достаточно кажется этихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности личнаго мнѣнія Г. Герарда объ обществѣ офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи. Если бы принципъ *выживанія* дѣйствительно существовалъ, то случаи подобные только что разсказаннымъ были бы невозможны, а напротивъ два послѣдніе — могли доставить обществу офицеровъ весьма сподручный способъ, если не содѣйствовать, то по крайней мѣрѣ не мѣшать открытію вакансій.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ Гвардейской Конной Артиллеріи, гдѣ прослужившіе по 13 и болѣе лѣтъ офицеры довольствуются скромнымъ чиномъ Поручика, а по 20ти

чиномъ Штабсъ-Капитана, тамъ едва-ли общество можетъ быть заподозрѣно въ чиноманіи и вѣроятно было что нибудь иное, *невещественное,* что удерживало такихъ офицеровъ на службѣ. Это *иное*, кромѣ самаго рода службы, были тѣ хорошія отношенія, которыя связывали всѣхъ членовъ офицерскаго кружка въ одну общую семью. Пониманіе и оцѣнка такихъ отношеній пріобрѣтены почти всѣми служащими тамъ офицерами раньше; онѣ унаслѣдованы еще отъ полевой Конной Артиллеріи, служившей имъ колыбелью въ ихъ юношескіе первые офицерскіе годы. Тамъ они узнали впервые, что̀ такоя конно-артиллерійская семья и чѣмъ она держится; тамъ они жили чуть не съ 50ти-лѣтними Капитанами, которые конечно далеки были отъ пониманія что̀ такое интриги, какъ ихъ вести и какъ изъ нихъ извлекать пользу для пріобрѣтенія чина. Не могли они разумѣется и ихъ этому научить! Этой славной Конной Артиллеріи Г. Квитницкій и издали не видалъ. Не понялъ видно онъ среды, въ которую попалъ, какъ не понялъ и тѣхъ традицій, съ которыми среда эта сжилась, а говоритъ, что любилъ Конную Артиллерію!*) Что-же любилъ онъ въ ней? Право затрудняемся отвѣтомъ; но замѣчательно то, что не найдя интригъ и споровъ о старшинствѣ, онъ съ первыхъ-же дней своего возвращенія изъ Академіи, самъ ихъ началъ, заведя офиціальнымъ путемъ предлинную распрю о старшинствѣ съ Барономъ Корфомъ, имѣвшимъ преимущества передъ Г. Квитницкимъ, но тѣмъ не менѣе уступившимъ ему старшинство, о чемъ мы нашли весьма обстоятельный раз-

*) „Голосъ“ N. 49.

сказъ Барона Корфа въ его показаніяхъ, данныхъ имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Г. Квитницкій и его защитникъ находятъ справедливымъ объяснять всѣ бывшія за четыре года непріятности и столкновенія съ начальствомъ и товарищами искуственною постановкою офицерами Г. Квитницкаго всегда въ такое положеніе, при которомъ эти столкновенія являлись для него какъ бы роковыми. Напримѣръ, Г. Квитницкій на лагерь 1869 года отчисленъ былъ изъ 1й батареи во 2ю. Такія отчисленія дѣлались и дѣлаются сплошь и рядомъ, для уравненія числа офицеровъ на лагерное время, когда въ батареяхъ оставляется только необходимое число офицеровъ, а остальные получаютъ возможность уѣхать въ отпускъ. Вскорѣ во 2й батареѣ у Г. Квитницкаго завязались неудовольствія. Не указывая на *причины* этихъ неудовольствій, Г. Квитницкій въ Окружномъ Судѣ взваливаетъ вину въ нихъ на Поручика Щербинскаго, говоря, что онъ, какъ Бригадный Адъютантъ, устроилъ ему это прикомандированіе, обнадеживъ его будто бы увѣреніями, что его тамъ желаютъ и что батарейный Командиръ, покойный Полковникъ Черницкій обѣщалъ давать ему для службы казенную лошадь; но случилось иначе. Г. Квитницкій во 2й батареѣ не ужился съ товорищами. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что Поручикъ Щербинскій не былъ тогда Адъютантомъ, а былъ имъ Графъ Олсуфьевъ, нынѣшній Адъютантъ Наслѣдника Цесаревича; поручикъ-же Щербинскій назначенъ на эту должность въ томъ-же году, но уже по окончаніи лагеря, о чемъ въ дѣлахъ Бригаднаго Управленія имѣются документальныя доказательства.

Считаемъ нужнымъ объяснить, что каждый батарейный командиръ всегда давалъ казенную лошадь прикомандированному на время къ его батареѣ офицеру, очень хорошо понимая, что офицеру не приходится быть въ строю на лошади другой масти*), а при временномъ прикомандированіи небыло примѣра, чтобы батарейный командиръ заставилъ прикомандированнаго офицера купить лошадь.**)

Что во 2й батареѣ Г. Квитницкому всегда сѣдлались казенныя лошади *съ закидкою, опрокидкою и съ набитыми спинами****) — этого теперь повѣрить мы не могли; но на намекъ его, что это дѣлалось не случайно и что ѣздя на нихъ онъ рисковалъ своею жизнію, замѣтимъ, что по всѣмъ собраннымъ нами свѣдѣніямъ Полковникъ Черницкій былъ слишкомъ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы вообще кого нибудь угнетать, да еще подобнымъ недостойнымъ способомъ. Преступно такъ клеветать на покойника!

Словомъ, всѣ свои неудобныя и непріятныя положенія и столкновенія съ начальствомъ и товарищами Г. Квитницкій желалъ объяснить какими-то злонамѣренными противъ него кознями.

Такъ объясняетъ онъ и непріятности, которыя имѣлъ въ бытность свою предсѣдателемъ Бригаднаго Суда.

---

*) Въ Гвардейскихъ конныхъ батареяхъ всѣ батареи имѣютъ отдѣльную масть лошадей.

**) Г. Квитницкій въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что по приказанію Полковника Черницкаго онъ купилъ лошадь!

***) Мы подчеркиваемъ здѣсь собственныя слова Г. Квитницкаго („Голосъ“ N. 41 и предварительное слѣд.)

Чтобы показать истинное происхожденіе и значеніе этихъ непріятностей, разъяснимъ нѣсколько подробнѣе факты, на которые въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается самъ Г. Квитницкій.

Прежде всего считаемъ необходимымъ сказать, что Г. Квитницкій назначенъ былъ на должность предсѣдателя Бригаднаго Суда въ силу 9 ст. 24 кн. 6 ч. Св. Св. Воен. Пост., въ которой сказано: *если встрѣтится затрудненіе въ назначеніи предсѣдателемъ Полковаго Суда Штабъ-Офицера, то въ сію должность можетъ быть назначенъ одинъ изъ старшихъ Оберъ-Офицеровъ полка.*

Назначаемые въ эту должность офицеры должны по положенію занимать ее годъ.

Старшими Оберъ-Офицерами, понятное дѣло, признаются капитаны, а за ними Штабсъ-Капитаны. Какъ тогда, такъ и теперь бываетъ тоже самое, что пребываніе офицера въ званіи предсѣдателя суда не лишаетъ его права быть уволеннымъ въ отпускъ, а въ случаѣ надобности не освобождаетъ его отъ назначенія на какую либо другую должность, несовмѣстную съ званіемъ предсѣдателя; напримѣръ—временно командующимъ батареею, въ случаѣ отсутствія или болѣзни командира какой либо изъ батарей, или по другимъ причинамъ. Повѣрку *наличнаго* въ то время состава офицеровъ можно сдѣлать изъ разсмотрѣнія приказовъ по бригадѣ, относящихся къ тому времени; эта повѣрка объяснитъ истинную причину назначенія Г. Квитницкаго предсѣдателемъ Бригаднаго Суда.

Говоря же въ своихъ показаніяхъ на Судѣ: *въ то время* (т. е. въ 1869 году) *были открыты полковые*

*суды**), Г. Квитницкій желаетъ вѣроятно этимъ сказать, что ему *первому* поручено было *совсѣмъ новое, никому незнакомое еще дѣло*. Но оказывается, что суды введены уже *съ 1867 года***) и до Г. Квитницкаго въ должности предсѣдателя перебывали уже всѣ наличные Капитаны; назначеніе-же Г. Квитницкаго сдѣлано было только потому, что въ то время не было на лицо другаго свободнаго офицера, какъ это оказывается изъ наведенныхъ справокъ.

И такъ мы видимъ, что обстоятельства назначенія Г. Квитницкаго предсѣдателемъ Бригаднаго Суда противорѣчатъ его показаніямъ.

Будучи предсѣдателемъ, Г. Квитницкій представилъ Командиру бригады Генералу Гершау на его утвержденіе три приговора суда, съ такимъ множествомъ ошибокъ въ ссылкахъ на статьи закона, что Генералъ, хотя и согласился съ самыми приговорами, но не счелъ возможнымъ утвердить ихъ въ представленномъ видѣ; а потому возвратилъ ихъ Г. Квитницкому, *при предписаніи*, въ которомъ подробно указывалъ какія именно ошибки слѣдовало исправить и требовалъ объявить подсудимымъ приговоры въ исправленномъ видѣ. Г. Квитницкій вновь представилъ эти приговоры безъ всякихъ исправленій и въ своемъ рапортѣ объяснялъ Генералу причину не исполненія его предписанія. Генералъ Гершау, не желая тянуть дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ не желая вносить въ свои приказы грубыхъ ошибокъ, поручилъ адъютанту

---

*) „Голосъ“ N. 41.

**) Удивительно что, Петербургскій Военно-Окружной судъ какъ будто не замѣтилъ этой невѣрности въ показаніяхъ Г. Квитницкаго! Военно-Окружные и полковые суды открыты въ одно время въ 1867 году.

исправить ихъ и затѣмъ, въ исправленномъ уже видѣ, утвердилъ приговоры приказомъ по Гвардейской Конной Артиллеріи, *не измѣнивъ присужденныхъ судомъ подсудимымъ наказаній*, а Г. Квитницкому, за неумѣстныя указанія въ рапортѣ и позднее представленіе дѣлъ сдѣлалъ выговоръ въ приказѣ.

Исправленіе ошибокъ въ приговорахъ сдѣланы адъютантомъ, поверхъ чернилъ, краснымъ карандашемъ; онѣ и теперь ясно видны на подлинныхъ приговорахъ и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ своей правильности.

Если, какъ говоритъ Г. Квитницкій, Генералъ призналъ его тогда правымъ, то спрашивается: зачѣмъ-же Генералъ писалъ ему выговоръ въ приказѣ? Если-же признавалъ и выговоръ свой несправедливымъ, то зачѣмъ-же другимъ приказомъ Генералъ не призналъ его незаслуженнымъ и не взялъ свой выговоръ назадъ? Тутъ что нибудь не такъ и вѣроятно Г. Квитницкій не ясно усвоилъ себѣ то, что̀ могъ ему говорить Генералъ Гершау.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, Генералъ Гершау былъ человѣкъ въ высшей степени добрый и незлобливый, а какъ начальникъ онъ не имѣлъ привычки прибѣгать ко взысканіямъ и замѣчаніямъ, не будучи къ тому вынужденнымъ. Наконецъ Генералъ Гершау, въ бытность Г. Квитницкаго въ 3й батареѣ, былъ ея командиромъ. Командуя батарею, онъ былъ чрезвычайно любимъ своими офицерами; г.-же Квитницкій, усиливается заставить повѣрить въ свои дружескія отношенія съ офицерами 3й батареи*). Если бы это было

*) Замѣтимъ, что изъ сослуживцеєъ Г. Квитницкаго въ 3й батарвъ осталось только два офицера, остальныхъ давно уже нѣтъ и потому весма удобно ссылаться на пріязнь съ ними.

дѣйствительно справедливо, то почему-же онъ стоялъ въ иныхъ отношеніяхъ къ командиру, любимому его-же товарищами по батареѣ? А что эти отношенія должны были быть дѣйствительно *иными* — такъ заставляетъ думать самъ Г. Квитницкій говоря, что своимъ назначеніемъ предсѣдателемъ суда онъ становился *въ щекотливое положеніе относительно Командира бригады**), т. е. того же Генерала Гершау! Почему это положеніе было Г. Квитницкому щекотливо — онъ не объясняетъ.

Далѣе Г. Квитницкій на судѣ говорилъ, что Генералъ Гершау прочитавъ рапортъ его, поступилъ чрезвычайно благородно; онъ объявилъ, что поручикъ Щербинскій неправъ и что онъ т. е. Генералъ утверждаетъ приговоры. *)

Оставляя въ сторонѣ сужденія Г. Квитницкаго о благородствѣ вообще, разберемъ это послѣднее обстоятельство. Неизвѣстно гдѣ, когда и кому *объявлялъ* Генералъ подобное свое рѣшеніе? Г. Квитницкій въ подтвержденіе приводимаго имъ факта не могъ указать чего нибудь документальнѣе собственыхъ словъ. Жаль, что Военно-Окружной Судъ этимъ не поинтересовался, а дѣло могло уясниться очень просто и даже собственными словами Г. Квитницкаго. *Генералъ объявилъ, что адъютантъ былъ не правъ;* но вѣдь не адъютантъ, а Генералъ рѣшаетъ вопросъ о правильности или неправильности приговоровъ; вѣдь не адъютантъ, а Генералъ утверждаетъ приговоры. Конфирмація приговора подписывается въ приказѣ Генераломъ-же. Наконецъ, еслибы даже Генералъ призналъ правильнымъ нѣсколько измѣ-

---

*) „Голосъ“ N. 41.

нить свои прежнія требованія*), то этимъ Г. Квитницкій всётаки не даетъ намъ объясненія почему Генералъ, *послѣ* отмѣны своего, положимъ, ошибочнаго требованія**) (ошибка возможна у всякаго) и послѣ утвержденія приговоровъ, всётаки находитъ Г. Квитницкаго заслуживающимъ выговора, который и объявляетъ ему въ приказѣ и о которомъ однако Г. Квитницкій *умалчиваетъ?!* На первый взглядъ это кажется не понятнымъ; но просмотрѣвъ всю переписку, относящуюся къ этому дѣлу, нельзя не прійти къ полнѣйшему убѣжденію, что Генералъ имѣлъ основательныя причины быть недовольнымъ Г. Квитницкимъ, за что и объявилъ ему письменный выговоръ.

Военно-Окружной судъ, безъ всякого обслѣдованія и не предложивъ по этому дѣлу *ни одного вопроса* адъютанту Паручику Щербинскому, назвалъ вышеописанныя исправленія ошибокъ въ приговорахъ *произвольными* съ его стороны дѣйствіями и тѣмъ своимъ несправедливымъ приговоромъ набросилъ на него тѣнь обвиненія въ дѣйствіи какъ будто похожемъ на падлогъ. Полагаемъ, что такое заключеніе Петербугскаго Военно-Окружнаго Суда по меньшей мѣрѣ было торопливо и незаслуженно.

При слѣдующемъ Бригадномъ Командирѣ, Полковникѣ Черницкомъ, у Г. Квитницкаго возникаютъ и съ нимъ неудовольствія и опять изъ-за представленнаго на его утвержденіе приговора бригаднаго Суда.

---

*) Какъ надобно полагать, послѣ личнаго съ Г. Квитницкимъ объясненія.

**) Вѣроятно Г. Квитницкій намекаетъ на требованіе вторичнаго прочтенія приговоровъ подсудимымъ. —

Дѣло это особенно интересно: приговоренъ бригаднымъ Судомъ подсудимый, которому *въ буквальномъ смыслѣ слова не было предложено ни одного вопроса,* о чемъ въ дѣлѣ имѣется протоколъ, подписанный самимъ предсѣдѣтелемъ Г. Квитницкимъ. Такъ оригинально понималъ Г. Квитницкій смыслъ статей 291й и 750, кн. 24й ч. 6й Св. Воен. Пост.!

Бригадный Командиръ призналъ, что Суда произведено *не было,* а потому возвратилъ дѣло и требовалъ *не перерѣшенія* его, какъ говоритъ Г. Квитницкій, а производства дѣйствительнаго суда. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сдѣлалъ въ предписаніи выговоръ Г. Квитницкому и членамъ суда.

Г. Квитницкій дѣло возвратилъ, не исполнивъ требованія Бригаднаго Командира и признавая себя и членовъ Бригаднаго Суда *лицами Военно-Судебнаго вѣдомства,* просилъ рапортомъ *) вторичнаго предписанія о выговорѣ, такъ какъ ни себя ни членовъ Бригаднаго Суда онъ не признавалъ подлежащими въ дисциплинарномъ отношеніи вѣдѣнію Бригаднаго Командира! Послѣдовало, разумѣется, новое предписаніе съ новымъ выговоромъ и съ подтвержденіемъ прежняго требованія.

Г. Квитницкій наконецъ *произвелъ судъ* и приговоръ былъ утвержденъ.

Результатомъ всего вышеизложеннаго было представленіе всего дѣла, со всею перепискою, на разсмотрѣніе Начальника Артиллеріи Округа Князя Масальскаго. При этомъ Полковникъ Черницкій въ своемъ рапортѣ подробно изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и просилъ князя разрѣшить ему

*) Имѣется въ дѣлѣ.

представить другаго офицера на должность предсѣдателя Бригаднаго Суда, такъ какъ Г. Квитницкій должности этой не соотвѣтствовалъ. Затѣмъ, *послѣ еще словеснаго объясненія съ княземъ Масальскимъ*, Полковникъ Черницкій вошелъ къ нему рапортомъ, въ которомъ *ссылаясь на это словесное объясненіе*, представлялъ на утвержденіе предсѣдателемъ суда капитана Шатова 1го *), вмѣсто Г. Квитницкаго. Чрезъ нѣсколько времени князь Масальскій, приказомъ своимъ по Артиллеріи Петербургскаго Военнаго Округа отъ 29 Декабря 1870 г. за N. 509, утвердилъ капитана Шатова предсѣдателемъ.

Вышеупомянутыя дѣла бригаднаго Суда, какъ и относящіеся къ нимъ документы и переписка, а также и обстоятельныя письменныя объясненія адъютанта Поручика Щербинскаго, данныя имъ Особой Слѣдственной Коммисіи, имѣлись въ дѣлѣ С. Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда. На всѣ эти письменныя объясненія Поручика Щербинскаго, какъ видно, не было обращено судомъ никакаго вниманія и судъ, основываясь на непровѣренныхъ показаніяхъ Г. Квитницкаго и князя Масальскаго, призналъ справедливымъ обвинить Поручика Щербинскаго въ неправильныхъ дѣйствіяхъ! Подобное *бездоказательное* обвиненіе мы оставляемъ на совѣсти обвинителей.

Самолюбіе Г. Квитницкаго смѣщеніемъ съ должности предсѣдателя бригаднаго Суда было уязвлено; но никогда не сознаваясь въ своихъ ошибкахъ, онъ и въ этомъ обсто-

---

*) Капитанъ Шатовъ занималъ уже прежде эту должность.

ятельствѣ обвинялъ всѣхъ, кромѣ самого себя. Теперь-же онъ и его защитникъ признаютъ это смѣщеніе результатомъ интриги, съ цѣлью выжить его!

Чѣмъ-же это доказано? Кто это подтвердилъ? Кого объ этомъ спросили на Судѣ?

Если читатель припомнитъ прочтенныя въ Военно-Окружномъ Судѣ показанія князя Масальскаго *), то ему невольно бросится въ глаза замѣтное противорѣчіе показаній князя съ только что разсказаннымъ, а потому для разъясненія недоразумѣнія и чтобы не возвращаться уже болѣе къ показаніямъ князя Масальскаго, сдѣлаемъ имъ теперь-же оцѣнку какъ по этому, такъ и по другимъ вопросамъ.

Въ своихъ показаніяхъ князь Масальскій называетъ неудовольствія между Полковникомъ Черницкимъ и Г. Квитницкимъ *пререканіями*, тогда какъ по мнѣнію вѣроятно всякаго такія отношенія между прямымъ начальникомъ и его подчиненнымъ едва-ли могутъ быть названы этимъ именемъ. Поведеніе Г. Квитницкаго, по настоящему, должно просто называтыя *не исполненіемъ приказаній начальника*. Князь Масальскій имѣетъ репутацію очень требовательнаго начальника и мы сомнѣваемся, чтобы неповиновеніе своего подчиненнаго онъ называлъ пререканіемъ съ собою.

Намъ за достовѣрное разсказывали, что князь Масальскій, во время такъ называемыхъ имъ *пререканій*, былъ тогда о дѣйствіяхъ Г. Квитницкаго совсѣмъ инаго мнѣнія,

---

*) „Голосъ“ N. 45.

нежели какое онъ теперь приводитъ въ своихъ, свидѣтельскихъ показаніяхъ и такую перемѣну во мнѣніи князя мы не можемъ объяснить забывчивостью Его Сіятельства.

Какъ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ, укажемъ на видѣнную нами собственноручную записку князя Масальскаго слѣдующаго содержанія*): *Я нахожу, что Полковникъ Черницкій правъ — ибо онъ не требовалъ перерѣшенія суда, а требовалъ суда, котораго не было произведено. Квитницкій виноватъ въ своихъ рапортахъ къ старшему и уклоненіи отъ исполненія его приказанія. Переговорите объ этомъ дѣлѣ съ Аудиторомъ.* Записка эта писана на четвертушкѣ листа, карандашемъ. Видимо она предназначалась тому изъ адъютантовъ князя, который докладывалъ ему дѣло.**) Полагаемъ, что она послужитъ для приведенія на память князю тѣхъ событій, которыя въ его воспоминаніяхъ получили иной характеръ, что̀ привело судъ къ полнѣйшему заблужденію относительно достовѣрности показаній князя.

Такъ князю Масальскому *теперь* показалось, что онъ *тогда не находилъ Г. Квитницкаго виновнымъ, а напротивъ въ требованіи Полковника Черницкаго перерѣшить*

---

*) Записка эта относится къ тому времени, когда Полковникомъ Черницкимъ сдѣлано было представленіе о смѣщеніи, Г. Квитницкаго съ должности предсѣдателя Суда, т. е. къ концу 1870 г.

**) Знакомствомъ съ этою частною запискою мы обязаны одному изъ лицъ, по своему служебному положенію, весьма близко стоявшему къ Князю Масальскому.

судное дѣло видѣлъ незаконность и что онъ утвердилъ другаго офицера предсѣдателемъ суда только въ виду тяжкой болѣзни Полковника Черницкаго, дабы успокоить больнаго. *)

О взглядѣ въ то время князя Масальскаго на законность или незаконность требованія Полковника Черницкаго красноречиво говорятъ какъ вышеприведенная записка, такъ и приказъ князя о назначеніи другаго предсѣдателя, согласно представленія Полковника Черницкаго, въ которомъ упоминалось о предварительномъ по этому дѣлу разговорѣ между княземъ и Полковникомъ Черницкимъ. Объяснять-же смѣщеніе исправнаго и дѣльнаго, по мнѣнію князя, офицера изъ участія къ больному — болѣе чѣмъ странно со стороны Начальника Артиллеріи и ужъ эта мѣра едва-ли можетъ быть названа законною?! Не трудно доказать, что она не была даже настоятельна, потому что смѣщеніе Г. Квитницкаго произошло въ Декабрѣ 1870 года, когда Полковникъ Черницкій (вообще хворый человѣкъ) былъ настолько здоровъ, что несъ всю службу, выѣзжалъ въ строй и проч. Рапортъ о болѣзни поданъ Полковникомъ Черницкимъ 13 Марта, а скончался онъ 31 Марта 1871 года!

Г-же Квитницкій, опираясь на показанія князя идетъ дальше и на судѣ утверждаетъ, что князь *разрѣшилъ Полковнику Черницкому назначить вмѣсто него другаго пред-*

---

*) Показаніе Князя Масальскаго, прочтенное на судѣ („Голосъ" N. 45.) Князь, по своему званію, воспользовался правомъ не присутствовать на Судѣ и не давать показаній лично. —

сьдателя въ тьмѣ, чтобы этой перемѣнѣ не было дано вида смѣщенія. *)

Желательно было бы знать какой-же по мнѣнію Г. Квитницкаго можно этому факту придать другой видъ, кромѣ смѣщенія? Не назвать-же это — увольненіемъ Г. Квитницкаго на покой, или врачебнымъ пособіемъ больному Полковнику Черницкому, которое во всякомъ случаѣ прописывается медиками, а не Начальниками Артиллеріи.

Если бы показанія князя были провѣрены въ Военно-Окружномъ судѣ, то утвердительно, можно сказать, что провѣрка ихъ не послужила бы въ пользу ихъ достовѣрности. Не забылъ-ли князь, что показанія, какъ письменныя, такъ и устныя отбираются послѣ извѣстнаго предваренія о присягѣ?

Противорѣчіе въ показаніяхъ князя Масальскаго со вмѣсти свѣдѣніями, которыя намъ удалось собрать по дѣлу Г. Квитницкаго навело насъ на предположеніе о неискренности этихъ показаній, почему мы старались не оставить безъ подробнѣйшаго обслѣдованія всякое слово показаній князя. Это обслѣдованіе привело насъ съ одной стороны къ бо́льшему знакомству съ личностью Г. Квитницкаго, а съ другой — къ уясненію себѣ той роли, которую въ этой исторіи игралъ князь Масальскій.

Разберемъ-же дальнѣйшія показанія князя Масальскаго, чтобы съ ними уже покончить.

Г. Квитницкаго онъ, какъ говоритъ, считалъ на ряду

---

*) „Голосъ“ N. 41.

отличныхъ офицеровъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ командованіе Г. Квитницкимъ 1ю Его Величества батареею *въ теченіи цѣлаго лагеря 1871 года*, за каковое командованіе Г. Квитницкій будто бы заслужилъ благодарность (?). *)

Конечно понятіе *о хорошемъ* и сравнительныхъ степеняхъ этого прилагательнаго у каждаго человѣка свое, и князь Масальскій могъ считать Г. Квитницкаго даже отличнѣйшимъ офицеромъ; но во-первыхъ товарищи и сослуживцы гораздо болѣе компетентные и безпристрастные въ этомъ дѣлѣ судьи, нежели начальство даже ближайшее, неговоря уже о такомъ отдаленномъ какъ Начальникъ Артиллеріи, который не только лишенъ возможности тщательно узнавать и правильно оцѣнивать субалтернъ-офицеровъ, но даже и видѣть ихъ по нѣсколько мѣсяцевъ къ ряду.

Что князь Масальскій не былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ, видно между прочимъ и изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ. По совершенномъ уже окончаніи такъ называемой „Исторіи Квитницкаго“ къ князю Масальскому являлись, въ разное время и отдѣльно одинъ отъ другаго, два офицера Гвардейской Конной Артиллеріи; одинъ — по случаю назначенія его на службу въ отдаленный край, а другой — по приглашенію самаго князя, для объясненія по дѣламъ службы. Разговоръ съ обоими этими офицерами коснулся розумѣется, и недавней „исторіи“. При этомъ князь сказалъ первому, что *не было бы* никакихъ непріятныхъ послѣдствій

*) Отъ кого и когда — мы не могли узнать.

если бы его, князя, въ свое время объ этомъ попросили. Второму-же князь говорилъ, *что совсѣмъ незналъ Г. Квитницкаго и даже всего два раза имѣлъ случай съ нимъ говорить: одинъ разъ когда онъ приходилъ просить избавить его отъ Суда общества офицеровъ, а другой — когда онъ явился къ нему съ объявленіемъ о сдѣланномъ имъ нападеніи на Полковника Хлѣбникова.* *)

Этими словами князь самъ прекрасно себя охарактеризовалъ и отнимаетъ у своихъ показаній послѣдній остатокъ кредита.

По общему приговору рѣшительно всѣхъ командировъ батарей и офицеровъ Г. Квитницкій, какъ офицеръ, былъ всегда очень и очень далёкъ отъ отличныхъ.

Батареею онъ командовалъ по слѣдующему случаю: умеръ Полковникъ Черницкій и назначенъ на его мѣсто Генералъ Губской. Впредь до его прибытія, командующимъ Бригадою *по наружной части* сталъ Полковникъ Энгельгардтъ **), Командиръ 1й Его Величества батареи, а командующимъ батареею по наружной-же части назначенъ капитанъ Шатовъ 1й. Съ выступленіемъ въ лагерь 5 Мая, капитанъ Шатовъ 1й уѣхалъ въ отпускъ, а Г. Квитницкій, какъ старшій по немъ офицеръ въ батареѣ, сталъ ея командующимъ *по той-же наружной части*, т. е. не входя въ дѣйствительное завѣдываніе батареею и не дѣлая въ ней *никакихъ своихъ распоряженій*, не завѣдуя хозяйствомъ, не принимая словомъ никакой на себя отвѣтственности.

---

*) Разсказывалось самими офицерами, имѣвшими съ Княземъ этотъ разговоръ.

**) Въ то время старшій въ бригадѣ Полковникъ.

Настоящій ея командиръ Полковникъ Энгельгардтъ ни въ чемъ не измѣнилъ и не могъ измѣнить своихъ отношеній къ *дѣйствительно командуемой имъ* батареѣ. Что-же дѣлалось командующимъ по наружной части Г. Квитницкимъ? Онъ подписывалъ приказы по батареѣ и исходящія бумаги, которые не имъ даже, а Полковникомъ Энгельгардтомъ составлялись; Г. же Квитницкій не видалъ даже входящихъ бумагъ, которыя принимались и вскрывались самимъ Полковникомъ Энгельгардтомъ, не переѣхавшимъ даже въ лагерѣ изъ мѣста росположенія своей батареи въ разположеніе Бригаднаго Штаба, отъ котораго стоялъ съ батареею въ 5ти верстахъ. Жилъ полковникъ Энгельгардтъ въ батареѣ, а въ Бригаду только наѣзжалъ.

Въ строю Г. Квитницкій бывалъ передъ батареею только тогда, когда Полковникъ Энгельгардтъ не могъ самъ выѣзжать т. е. когда ему приходилось въ строю играть роль Бригаднаго Командира; но и въ этихъ не многихъ случаяхъ глазъ Полковника Энгельгардта зорко и тревожно слѣдилъ за своею батареею, не полагаясь на искусство и знаніе ея временнаго и *случайнаго* командира. Въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ Г. Квитницкій, говорятъ, вызывалъ во фронтѣ улыбку.

Во всѣхъ-же случаяхъ, когда батарея *училась* или упражнялась *одна, дѣйствительнымъ ея командиромъ* былъ *всегда* Полковникъ Энгельгардтъ, какъ разумѣется, и единственный отвѣтчикъ за всё въ ней хорошее и дурное.

Кажется, что роль исполнявшаяся Г. Квитницкимъ была не изъ особенно трудныхъ и мудрено ему было показать въ ней свои военныя дарованія.

Разсказываютъ, что на одномъ изъ бывшихъ, въ присутствіи Государя, общихъ съ кавалеріею ученій батарея лихо выскакала впередъ и Государь, всегда отдававшій справедливость молодечеству конныхъ батарей, а эта носила Его Имя, послалъ ей свое Царское спасибо чрезъ однаго изъ своихъ Флигель-Адъютантовъ, можетъ быть и чрезъ Полковника Безака, какъ говоритъ Г. Квитницкій. Но неужели Г. Квитницкій могъ хотя на минуту серіозно приписать успѣхъ батареи себѣ? Это было бы болѣе нежели смѣшно, тѣмъ болѣе, что Государь тутъ-же благодарилъ Полковника Энгельгардта и разумѣется не какъ Бригаднаго, а какъ батарейнаго командира. Да оно иначе и быть не могло — вѣдь не Г-же Квитницкій выучилъ батарею всему строю и не онъ придалъ ей ту лихость, которая могла быть результатомъ только многолѣтней предварительной подготовки.

Наконецъ номинальное командованіе батареею Г. Квитницкимъ продолжалось далеко не весь лагерь, какъ это говоритъ въ своихъ показаніяхъ Князь Масальскій. Въ половинѣ Іюня прибылъ Генералъ Губской и вступилъ въ командованіе Бригадою, а Полковникъ Энгельгардтъ — въ командованіе своею батареею, которою, какъ мы видѣли, онъ и не переставалъ командовать. Кончилось и это фиктивное командованіе батареею Г. Квитницкимъ!

Вторая половина лагеря, когда начинаются общія ученья, Царскіе смотры маневры и проч., какъ мы слышали, есть именно то время, когда командиръ можетъ показать чего онъ стоитъ. Въ это время Г. Квитницкій батареею уже *не командовалъ даже фиктивно.*

И такъ все строевое командованіе Г. Квитницкаго огра-

ничилось вожденіемъ батареи на практическую стрѣльбу, когда батарея идётъ какъ обозъ; въ этихъ случаяхъ роль Г. Квитницкаго ни сколько не отличалась отъ роли другихъ офицеровъ. Обученіемъ-же самой стрѣльбѣ занимался исключительно самъ Полковникъ Энгельгардтъ.

Блистательная аттестація, сдѣланная Г. Квитницкому княземъ Масальскимъ могла бы назваться ироніею, если бы въ виду серіозности цѣли, съ которою она имъ писалась и значенія того учрежденія, которому предназначалась, её нельзя было бы назвать другимъ именемъ, болѣе къ ней идущимъ.

Объ истинныхъ причинахъ неудовольствій, не только младшихъ, но и старшихъ офицеровъ противъ Г. Квитницкаго, Начальникъ Артиллеріи ровно ничего не зналъ и не потрудился узнать обстоятельно, какъ это видно и изъ собственнаго его показанія.

Такъ Князь Масальскій говоря, что отъ Генерала Губскаго онъ узналъ, что Г. Квитницкій подлежитъ суду общества офицеровъ *изъ-за неопрятности одежды(?)*, прибавляетъ, что на другой день онъ, призвавъ къ себѣ Г. Квитницкаго, отъ него услыхалъ *тоже самое!* Генералъ Губской, докладывая Князю Масальскому о неудовольствіяхъ офицеровъ противъ Г. Квитницкаго, не могъ мотивировать эти неудовольствія однимъ замѣчаніемъ о неопрятности одежды, такъ какъ съ Января по Октябрь имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ личностью Г. Квитницкато и съ его свойствами, дѣлавшими пребываніе его въ бригадѣ нестерпимымъ для его товарищей. Во всякомъ случаѣ передъ Княземъ Масальскимъ Генералъ Губской и Г. Квитницкій являлись въ двухъ діаметрально противоположныхъ роляхъ: первый обвинялъ, а

второй оправдывался, слѣдовательно *князь не могъ отъ обоихъ этихъ лицъ слышать одно и тоже.*

Далѣе князь говоритъ, что выслушавъ Г. Квитницкаго, *онъ рѣшилъ принять мѣры къ разсмотрѣнію этого дѣла* и прибавляетъ: рѣшилъ *для общаго блага.*

Какія средства князь принялъ или принималъ *для разсмотрѣнія* — намъ рѣшительно не извѣстно. Единственными лицами, которыя могли содѣйствовать разсмотрѣнію, были товарищи Г. Квитницкаго; но Князь Масальскій, вѣроятно, не счелъ соотвѣтствующимъ своему достоинству обратиться къ нимъ, а призналъ собственное заключеніе, выведенное изъ увѣреній, которыя ему дѣлалъ Г. Квитницкій, достаточнымъ, чтобы привести дѣло къ тому *общему благу,* о которомъ князь напрасно мечталъ, какъ это видно изъ послѣдствій.

Князь Масальскій призналъ Генерала Губскаго неправымъ въ его рѣшимости, вызванной крайней необходимостью, подвергнуть Г. Квитницкаго Суду Общества Офицеровъ и этимъ своимъ вмѣшательствомъ прямо нарушилъ ст. 141 кн. 23 Св. Воен. Пост., которая категорически говоритъ: *полковой командиръ* *) *рѣшаетъ — слѣдуетъ или нѣтъ приступить къ сужденію офицера.* Начальнику-же Артиллеріи, какъ лицу пользующемуся правами Начальника Дивизіи, законъ въ дѣлахъ по судамъ общества офицеровъ *никакаго прàва* не даетъ. Этотъ судъ — чисто домашнее дѣло той части, въ которой онъ учрежденъ.

Г-же Квитницкій, заручившись поддержкой Князя Ма-

---

*) Въ артиллеріи — Бригадный.

сальскаго, позволилъ себѣ тотъ образъ дѣйствій, который и привелъ къ печальной развязкѣ.

Не смотря на настоятельныя увѣщанія со стороны Г. Губскаго, Князь Масальскій устроилъ Г. Квитницкому переводъ его въ Варшаву, гдѣ будто бы, по какимъ-то частнымъ слухамъ, дошедшимъ до князя, офицеры 3й батереи желали имѣть у себя Г. Квитницкаго.

Не говоря уже о томъ, что въ такомъ дѣлѣ Начальникъ Артиллеріи не долженъ былъ основываться на какихъ-то частныхъ слухахъ, источника которыхъ онъ и не называетъ; но одно уже вмѣшательство князя въ дѣло чисто такъ сказать семейное и огражденное даже закономъ отъ вторженія въ него постороннихъ, никакъ не могло содѣйствовать благополучному исходу дѣла, а *до общаго блага* стало отъ этого всѣмъ еще дальше! Домашнимъ порядкомъ, безъ вмѣшательства князя, дѣло Г. Квитницкаго рѣшилось бы проще и во всякомъ случаѣ безъ тѣхъ послѣдствій для него самаго, къ которымъ привели его обстоятельства и за которыя онъ во многомъ обязанъ своему протектору.

Говоря короче и желая быть справедливымъ, нельзя не признать Князя Масальскаго очень и очень виноватымъ въ грустныхъ послѣдствіяхъ этой исторіи!

Далѣе въ своихъ показаніяхъ Г. Квитницкій говоритъ, что въ концѣ 1869 г. начались неправильные наряды его на службу. Въ этихъ нарядахъ обвиняетъ онъ опять адъютанта, упоминая о какомъ-то случаѣ наряда его, Квитницкаго, во внутренній караулъ въ Зимній Дворецъ.

Между тѣмъ оказывается, что нарядъ офицера во внутренній караулъ *никогда не дѣлался и не дѣлается* въ бри-

гадномъ Управленіи, а потому адъютантъ никакимъ образомъ не могъ вліять на этотъ нарядъ. Очередь офицерамъ ведется въ каждой батареѣ и объ ней Бригадному Управленію, а слѣдовательно и адъютанту ровно ничего не извѣстно. Наканунѣ-же наряда очередная батарея только доноситъ Бригадному Управленію, что завтра отъ нея вступаетъ караулъ въ такомъ-то числѣ людей и подъ командою *такого-то офицера.* Кромѣ того, въ каждой батареѣ сами офицеры такъ строго наблюдаютъ очередь свою, что каждому изъ нихъ, задолго до наряда, впередъ извѣстно когда онъ пойдетъ въ караулъ. Всѣ служившіе въ строю, очень хорошо это знаютъ; г. Квитницкому это также отлично извѣстно. Объясненія-же эти дѣлаются нами не для него, а для тѣхъ, которые, слушая Г. Квитницкаго въ Военно-Окружномъ Судѣ, могли принять его слова за правду.

Товарищи Г. Квитницкаго, несшіе съ нимъ службу въ общей очереди, справедливо негодовали на него за уклоненія имъ отъ очереди. Негодованіе это тѣмъ болѣе было основательно, что для подобныхъ уклоненій Г. Квитницкій прибѣгалъ къ вымышленнымъ болѣзнямъ, какъ къ предлогу освобождавшему его отъ очередной службы. Вымышленными предлогами нельзя провести товарищей, а потому нельзя и претендовать на ихъ расположеніе; а что къ предлогамъ этимъ Г. Квитницкій дѣйствительно прибѣгалъ, на это въ предварительномъ слѣдствіи мы нашли весьма обстоятельныя указанія и уже черезъ чуръ наивныя противъ нихъ отговорки Г. Квитницкаго.

Подобныя справедливыя неудовольствія товарищей Г. Квитницкій и его защитникъ рѣшаются называть тоже интригою!

Думаемъ, что безпристрастное отношеніе ко всему вышеизложенному убѣдитъ всякаго въ неосновательности подобнаго вывода и что высказанное защитникомъ его личное убѣжденіе о существованіи между офицерами Гвардейской Конной Артиллеріи интригъ противъ Г. Квитницкаго — совершенно не справедливо. Постоянно говоря о нерасположеніи къ Г. Квитницкому только младшихъ офицеровъ, защитникъ умалчиваетъ о такомъ-же нерасположеніи къ нему и *старшихъ*, которые точно также желая избавиться отъ Г. Квитницкаго, никакъ уже не могли получить отъ этого матеріальныхъ для себя выгодъ.

Такое общее, поголовное нерасположеніе всѣхъ къ одному должно было имѣть какую нибудь солидную и вѣроятно основательную причину, которая могла имѣть мѣсто въ товарищескомъ кружкѣ. Ни Г. Квитницкій, ни его защитникъ не могли насъ увѣрить въ существованіи интриги цѣлаго общества съ цѣлью побудить *одного* офицера оставить службу и тѣмъ подвинуть младшихъ къ производству. Почему такая интрига, если бы она и существовала, направилась *исключительно противъ одного Г. Квитницкаго*, а не противъ другихъ еще офицеровъ? Намъ кажется это было бы выгоднѣе для достиженія тѣхъ цѣлей, на которыя съ такою беззастѣнчивою неправдою указываютъ Г. Квитницкій и его защитникъ.

Кромѣ личныхъ неудовольствій, которыя Г. Квитницкій имѣлъ почти съ каждымъ изъ своихъ товарищей, онъ былъ въ высшей степени неуживчивъ. Ни съ кѣмъ онъ ужиться не могъ; ссорамъ его со всѣми товарищами, со всѣми Бригадными Командирами не предвидѣлось конца. Истинной-же

причины ихъ, т. е. собственной неуживчивости, Г. Квитницкій вѣроятно не сознавалъ, а какъ на судѣ ему понадобилось указать для своего оправданія на какую нибудь причину, то онъ и его защитникъ незадумываясь обвиняютъ свидѣтелей, а Г. Квитницкій кромѣ того даетъ полный просторъ своему искусству выдумыванья, извращенія и подтасовки фактовъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданнаго, офицеры Гвардейской Конной Артиллеріи, товарищи Г. Квитницкаго и ихъ Бригадный Командиръ, явившись въ судъ свидѣтелями, выходятъ изъ него обвиненными! При этомъ адъютантъ, какъ лице посредствующее между офицерами съ одной стороны и начальствомъ — съ другой, представляется для Г. Квитницкаго и его защитника весьма удобною цѣлью, въ которую они и направляютъ свои стрѣлы. Изъ такаго поворота дѣла всякіе выводы позволительны и между прочими можно сдѣлать и такой, что если адъютантъ, за каждое исполненное имъ непріятное кому нибудь распоряженіе начальства, долженъ лично отвѣчать передъ лицемъ, которому начальническое распоряженіе не понравится, то при этомъ условіи быть адъютантомъ едва-ли возможно.

Мы не намѣрены перебиратъ здѣсь всю жизнь Г. Квитницкаго въ Гвардейской Конной Артиллеріи и касаться всѣхъ подробностей его процесса; это было бы уже слишкомъ длинно; но скажемъ, что всѣ показанія Г. Квитницкаго, какъ и всѣ доводы и заключенія его защитника, сокрушаются уже при чтеніи свидѣтельскихъ показаній, данныхъ всѣми офицерами на предварительномъ слѣдствіи.

Не станемъ повторять разсказовъ о тѣхъ фактахъ, о которыхъ защитникъ спрашивалъ нѣкоторыхъ свидѣтелей на

судѣ; все это къ дѣлу не идетъ и разъясняетъ его очень мало.

Разсказы о сломанныхъ замкàхъ, о подкупѣ писаря, объ очной ставкѣ съ другимъ писаремъ, о дерзости вахмистра, о неопрятности въ одеждѣ и проч. и проч. всё это факты весьма характерные и въ обстоятельномъ разсказѣ каждый изъ нихъ характеризуетъ Г. Квитницкаго съ весьма невыгодной для него стороны; но повторять ихъ мы не станемъ, потому что при всемъ отвращеніи офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи къ подобной хроникѣ, ходившей между ними объ ихъ-же товарищѣ, факты эти небыли единственною причиною ихъ неудовольствій противъ Г. Квитницкаго.

Особенно существенно то, что Г. Квитницкій со всѣми товарищами *ссорился и враждовалъ* четыре года, чуть не каждый день! Это выводило наконецъ изъ терпѣнія. Непріятностямъ этимъ не предвидѣлось другаго исхода, кромѣ серіознаго когда нибудь столкновенія, которое и не замедлило произойти, послѣ извѣстнаго объясненія съ Полковникомъ Хлѣбниковымъ въ манежѣ 12го Января 1872 года.

Говорить въ подробности объ этомъ событіи было бы слишкомъ длинно и безъинтересно; достаточно сказать, что поводомъ къ столкновенію послужило замѣчаніе, сдѣланное Г. Квитницкому Полковникомъ Хлѣбниковымъ отъ имени товарищей, на которое они имѣли полное право. Грубые и неуважительные отвѣты Г. Квитницкаго возбудили въ говорившемъ съ нимъ Полковникѣ Хлѣбниковѣ понятную горячность, въ которой у него сорвалось рѣзкое выраженіе.

Г. Квитницкій въ своихъ показаніяхъ разсказываетъ это событіе въ самомъ извращенномъ видѣ, въ чемъ мы полнѣй-

шимъ образомъ убѣдились изъ разсмотрѣнія всего слѣдственнаго производства.

Вмѣсто всякихъ опроверженій скажемъ, что выраженіе употребленное Полковникомъ Хлѣбниковымъ, было результатомъ совершенно невольной его горячности, а не преднамѣреннымъ оскорбленіемъ, какъ увѣряютъ Г. Квитницкій и его защитникъ. Мы говоримъ *невольная горячность*, потому что Полковникъ Хлѣбниковъ, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, всегда извѣстенъ былъ какъ человѣкъ покойнаго характера, кроткій, незлобливый и очень вѣжеливый; такимъ онъ былъ извѣстенъ во всё время его 18ти-лѣтней службы въ Гвардіи. Если позволительно было Г. Квитницкому отвѣчать дерзостями на сдѣланное ему товарищами замѣчаніе, то будетъ понятно какимъ образомъ выраженіе, употребленное Полковникомъ Хлѣбниковымъ, могло сорваться даже у такого покойнаго и деликатнаго человѣка какимъ былъ Г. Хлѣбниковъ!

Такъ или иначе, но возгорѣлась что̀ называется *исторія!* Г. Квитницкій, обидѣлся выраженіемъ и сталъ искать за нанесенное ему оскорбленіе удовлетворенія; но какъ онъ искалъ?

Ославъ въ тотъ-же день чрезъ своихъ секундантовъ вызовъ Полковнику Хлѣбникову, Г. Квитницкій, на другой день, при встрѣчѣ съ Полковникомъ Хлѣбниковымъ, дѣлаетъ ему дерзости!

Всякому извѣстна роль секундантовъ: исключительно на ихъ обязанности лежитъ забота привести враждующія стороны къ какому нибудъ соглашенію, а въ случаѣ неизбѣжности дуэли — установить условія ея. Непосредственныя

же сношенія сторонъ между собою не допускаются, въ виду трудности обѣимъ имъ удержаться въ предѣлахъ должнаго безпристрастія и спокойствія по отношенію къ собственному ихъ дѣлу.

Г. Квитницкій пренебрегъ этимъ обычаемъ. Вотъ причина, по которой секунданты его отказали ему въ своихъ услугахъ и отказали *по собственному побужденію,* а не по настояніямъ офицеровъ, какъ это говоритъ Г. Квитницкій. Изъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи секундантомъ Подпоручикомъ Рудаковымъ видно, что никто изъ офицеровъ не удерживалъ секундантовъ отъ исполненія ими своихъ обязанностей по отношенію къ возможной дуэли Г. Квитницкаго; напротивъ, видно, что они сами на отрѣзъ отказались отъ этой роли *только вслѣдствіе дальнѣйшаго образа дѣйствій самаго Г. Квитницкаго.* Подпоручикъ Рудаковъ по болѣзни не могъ прибыть въ Военно-Окружной Судъ; съ письменными-же его показаніями почему-то Судъ не нашелъ нужнымъ справиться!*)

Между тѣмъ, товарищами рѣшено было, что отнюдь *не Полковникъ Хлѣбниковъ* будетъ отвѣтственъ за выраженіе имъ употребленное, *а офицеры, бывшіе въ манежѣ* и уполномочившіе его передать Г. Квитницкому заявленіе неудовольствія.

Во всемъ предварительномъ слѣдствіи нѣтъ ни однаго указанія на правдоподобіе утвержденій Г. Квитницкаго и его защитника, будто Г. Квитницкому отказано было въ дуэли

---

*) Другой секундантъ во время производства дѣла находился въ отпуску и въ Судъ вызванъ не былъ.

съ кѣмъ нибудь однимъ изъ этихъ офицеровъ, а сдѣлано чудовищное предложеніе стрѣляться *съ 8ю или 9ю* лицами разомъ. Дикость этихъ утвержденій видна уже сама собою — неужели офицеры имѣли намѣреніе *разстрѣливать* Г.Квитницкаго?!

Удивляемся какъ подобная нелѣпость можетъ кому нибудь приходить въ голову, а что защитникъ былъ въ ней увѣренъ, это видно изъ того, что въ своей рѣчи онъ рѣшается утверждать, что Г. Квитницкому предложено было идти *на вѣрную смерть!*

Изъ предварительнаго слѣдствія видно, что на собраніи офицеровъ въ квартирѣ Поручика Попова, предложенъ былъ Г. Квитницкому *выборъ любаго* изъ офицеровъ, уполномочившихъ въ манежѣ 12го Января 1872 года Полковника Хлѣбникова передать извѣстное заявленіе.

Г. Квитницкій не могъ не понимать, что ему предлагался *выборъ*, тѣмъ болѣе, что когда онъ выразился, что ему-же больше чести если онъ будетъ стрѣляться разомъ съ нѣсколькими, то къ нему подошелъ Поручикъ Поповъ и безъ всякаго уже выбора предложилъ себя для дуэли съ нимъ. Тутъ, кажется, не оставалось уже сомнѣнія.*) Но Г. Квитницкій отъ такаго категорическаго со стороны Поручика Попова предложенія отказался и настаивалъ на личномъ извиненіи передъ нимъ Полковника Хлѣбникова, въ противномъ случаѣ

*) Достойно примѣчанія, что Поручикъ Поповъ не былъ вызванъ въ Военно-окружный Судъ, несмотря на то, что показанія его, какъ по обстоятельствамъ собранія офицеровъ у него въ квартирѣ, такъ и по участію его въ „Судѣ Общества Офицеровъ," въ которомъ онъ былъ членомъ — былибы существенно важны. —

требовалъ дуэли *съ нимъ-же,* не смотря на то, что ему было положительно объявлено, что дуэли по этому дѣлу между нимъ и Полковникомъ Хлѣбниковымъ офицеры не допустятъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ за выраженіе, употребленное Полковникомъ Хлѣбниковымъ офицеры*) всю отвѣтственность всецѣло приняли на себя; но Г. Квитницкій упорствовалъ.

Въ слѣдствіе этого офицеры и Г. Квитницкій приглашены были Бригаднымъ Командиромъ къ нему на квартиру и въ этотъ разъ Г. Квитницкій, удовлетворившись данными ему тамъ Генераломъ Губскимъ объясненіями, призналъ дуэль для себя не нужною.

Однако отношенія къ нему товарищей стали послѣ всей этой исторіи уже настолько натянутыми, что насъ только удивляетъ недостаточность самолюбія у Г. Квитницкаго, чтобы не признать тогда-же, что при подобномъ положеніи дѣлъ оставаться ему служить въ Гвардейской Конной Артиллеріи стало невозможно: рѣдкій изъ товарищей съ нимъ кланялся.

Въ Іюнѣ Г. Квитницкій уѣхалъ въ отпускъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, товарищи Г. Квитницкаго вправѣ были полагать, что онъ не возвратится болѣе къ нимъ, а воспользуется своимъ отпускомъ, чтобы пристроить себя въ другомъ мѣстѣ; но черезъ четыре мѣсяца, именно 9го Октября 1872 года, Г. Квитницкій возвратился назадъ.

Съ его возвращеніемъ возможность новыхъ ссоръ и столкновеній, отъ которыхъ за четыре мѣсяца его товарищи

---

*) Бывшіе въ манежѣ 12 Января 1872 г.

успѣли отдохнуть, вновь предстала имъ во всей ея непривлекательности. Каждый изъ нихъ очень хорошо зналъ, что опять пойдутъ всевозможныя неудовольствія, недоразумѣнія и придирки, а за ними опять тѣже вѣчныя объясненія и ссоры. За четыре года надоѣли онѣ имъ порядкомъ, а потому, чтобы предупредить болѣе чѣмъ вѣроятную возможность какого нибудъ крупнаго столкновенія, имъ необходимо было: или разстаться съ Г. Квитницкимъ, или всѣ ихъ съ нимъ счеты и недоразумѣнія разобрать „Судомъ Общества Офицеровъ", которому, на основаніи 132 ст. положенія о судѣ, *подлежитъ и разборъ ссоръ*. Въ первомъ случаѣ, не всѣмъ-же офицерамъ слѣдовало оставить службу изъ-за одного, а напротивъ, весьма понятно, надлежало удалиться одному Г. Квитницкому. Это и было ему предложено отъ имени всего общества, сперва Полковникомъ Канищевымъ, а затѣмъ Генераломъ Губскимъ.

Г. Квитницкій такого заявленія не принялъ и высказалъ, что останется *наперекоръ общему не желанію*.

Пришлось обратиться къ посредству того установленія, дарованнаго Высочайшею властью, которое по самой своей организаціи, по широтѣ и опредѣленности данныхъ ему полномочій, само собою исключало всякую возможность узкости воззрѣній на предметъ, подлежащій его обсужденію. Мы говоримъ о „Судѣ Общества Офицеровъ".

Настоятельная потребность въ *законномъ* учрежденіи этого рода заявляла о себѣ въ теченіи всей исторической жизни русской арміи. Уже въ указѣ 1720 года видна забота Петра Великаго о предоставленіи офицерамъ способовъ судить своимъ судомъ *непотребные* поступки ихъ товарищей. Постепенныя

переработки положеній объ офицерскихъ судахъ привели наконецъ къ изданію существующаго, прекрасно разработаннаго, краткаго, но полнаго положенія. Этому положенію остается только пожелать, чтобы разумнымъ ознакомленіемъ съ нимъ въ одинаковой степени лицами *всѣхъ ступеней военной іерархіи* предупреждены были на будущее время случаи *произвольнаго его толкованія,* такъ какъ при подобномъ толкованіи никакой законъ не можетъ считаться достаточно гарантирующимъ чье бы то ни было право.

Въ судѣ этомъ Г. Квитницкому предоставлялась возможность дать самыя полныя объясненія по поводу всѣхъ къ нему неудовольствій. *Судъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакихъ предвзятыхъ рѣшеній,* кромѣ разбора всего того, что̀ накопилось и вызывало столько неудвольствій противъ Г. Квитницкаго. Судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ Полковника Канищева, какъ оказывается, лично расположеннаго къ Г. Квитницкому, и тотъ-же Г. Герардъ самъ находитъ, что изъ *пяти* членовъ суда *четверо были сторонниками Г. Квитницкаго.* Почему-же этотъ судъ устрашалъ Г. Квитницкаго?

Разборъ въ немъ могъ многое выяснить и можетъ быть даже, до нѣкоторой степени, *примирить неудобства положенія Г. Квитницкаго между товарищами.* Но Г. Квитницкій не понималъ видно значенія и цѣли учрежденія судовъ общества офицеровъ.

Догадка эта подтверждается его же показаніями. Такъ онъ говоритъ, что просилъ Начальника Артиллеріи князя Масальскаго *избавить* его отъ офицерскаго суда, который считалъ для себя *постыднымъ.* Это болѣе чѣмъ странно: Г. Квит-

ницкій признавалъ себя правымъ; почему-же представлявшаяся ему полная возможность доказать свою правоту почиталась имъ *постыдною?* Нѣтъ, если человѣкъ дѣйствительно правъ — онъ не боится суда; онъ не проситъ избавленія отъ него. Напротивъ, онъ самъ ищетъ суда и никто изъ понимающихъ дѣло не будетъ ему содѣйствовать избѣжанію суда, а посовѣтуетъ идти туда, чтобы тамъ искать свое оправданіе.

О содѣйствіи, оказанномъ въ этомъ случаѣ Г. Квитницкому княземъ Масальскимъ, мы сказали выше. Въ этомъ желаніи помочь Г. Квитницкому *избавиться* отъ разсмотрѣнія его поступковъ въ „Судѣ Общества Офицеровъ", князь Масальскій, кромѣ совершеннаго незнакомства съ духомъ положенія о судахъ этого рода и съ цѣлью ихъ учрежденія, показалъ еще явное пренебреженіе къ достоинству и авторитету власти Бригаднаго Командира, которому законъ даетъ *исключительное* право на разрѣшеніе офицерскаго суда.

Если Генералъ Губской нашелъ нужнымъ словесно сообщить князю Масальскому о существованіи непріятной для цѣлой части исторіи, то сдѣлалъ это вовсе не съ тѣмъ, чтобы вызвать вмѣшательство князя, а въ силу признаваемаго нимъ долга службы — не скрывать ничего отъ Начальника. Князь-же Масальскій, *требуя* отъ Генерала Губскаго, чтобы онъ не разрѣшалъ офицерскаго суда, видимо былъ не знакомъ съ положеніемъ объ офицерскихъ судахъ и присвоивая себѣ не принадлежащую ему власть, парализовалъ законныя права и дѣйствія Бригаднаго Командира.

Безъ всякаго сомнѣнія Г. Квитницкій не испыталъ бы на себѣ теперешнихъ послѣдствій своей исторіи, если бы

князь Масальскій вмѣсто того, чтобы *укрывать и огораживать его отъ суда**), напротивъ посовѣтовалъ бы Г. Квитницкому идти въ офицерскій судъ и передъ нимъ оправдываться. Протекцію-же свою князь Масальскій, конечно, могъ обѣщать Г. Квитницкому; но во всякомъ случаѣ только *послѣ* разбора неудовольствій противъ него „Судомъ Общества Офицеровъ".

И въ какой судъ не хотѣлъ идти Г. Квитницкій — въ судъ своихъ-же товарищей, въ которомъ, напомнимъ, что по словамъ Г. Герарда, четверо изъ пяти членовъ были сторонниками Г. Квитницкаго!

Г. Квитницкій и его защитникъ говорятъ, что передъ судомъ не было произведено дознаніе; но вотъ что говоритъ статья 140я положенія о „Судѣ Общества Офицеровъ": *судъ общества офицеровъ обязанъ удостовѣриться въ справедливости свѣдѣній касательно предосудительности поступковъ кого-либо изъ оберъ-офицеровъ, приступая къ такому дознанію или по предложенію Полковаго Командира, или прямо отъ себя по дошедшимъ свѣдѣніямъ, и донося о томъ чрезъ предсѣдательствующаго полковому командиру.*

Поданныя въ судъ письменныя заявленія большинства офицеровъ о причинахъ ихъ неудовольствій противъ Г. Квитницкаго были разсмотрѣны и нѣкоторыя изъ этихъ заявленій

---

*) Начальникъ артиллеріи, переводомъ Г. Квитницкаго въ 3ю батарею полагалъ избавить его отъ офицерскаго суда, думая, что офицеръ 3ей батареи не подсуденъ „Суду Об. Оф." петербургскихъ батарей. Неосновательность такаго мнѣнія Князя Масальскаго признана Главнымъ Военнымъ Прокуроромъ и Гл. Воен. Судомъ.

признаны судомъ совершенно основательными. Предсѣдательствующій Полковникъ Канищевъ лично доложилъ объ этомъ Бригадному Командиру, который призналъ обвиненія такими, что надлежало разсмотрѣть ихъ „Судомъ Общества Офицеровъ“ и потому разрѣшилъ судъ. Бригадный Командиръ имѣлъ на это полное право въ силу 141й и 134й статей положенія.

Какого-же еще дознанія нужно Г. Квитницкому и его защитнику?

Не думаемъ, чтобы защитникъ не понималъ смысла выраженія *дознаніе,* который законодатель придаетъ этому слову въ положеніи о „Судахъ Общества Офицеровъ“. Производство этого дознанія не имѣетъ ничего общаго съ тѣми, которыя производятся передъ предварительными слѣдствіями, по дѣламъ подлежащимъ разсмотрѣнію другихъ судебныхъ учрежденій.

Въ офицерскомъ судѣ Г. Квитницкій могъ опровергать имѣющіяся противъ него обвиненія, для разъясненія которыхъ онъ и вызывался; но Г. Квитницкій въ судъ не хотѣлъ идти; значитъне хотѣлъ и опровергать существовавшихъ противъ него обвиненій.

Мы могли бы привести, бывшій недавно въ одной изъ Гвардейскихъ частей, примѣръ преданія офицера „Суду Общества Офицеровъ“; обвиненіе оказалось несправедливымъ и офицеръ получилъ блестящее оправданіе. Не понимаемъ что тутъ постыднаго!

Г. Квитницкій видимо уклонялся отъ суда, а слѣдовательно и отъ разбора накопившихся противъ него неудовольствій, для чего съ одной стороны, прибѣгалъ къ болѣзни, какъ къ предлогу, препятствующему ему прибыть въ судъ,

а съ другой — опирался на содѣйствіе Начальника Артиллеріи, неправильно полагавшаго переводомъ Г. Квитницкаго въ Варшавскую батарею избавить его отъ подсудности „Суду Общества Офицеровъ“ петербургскихъ батарей.

Между тѣмъ судъ ждалъ Г. Квитницкаго уже *по вторичному* приглашенію; но онъ донесъ о тяжкой своей болѣзни, препятствовавшей ему оставить постель, а *вслѣдъ за тѣмъ* подалъ рапортъ о выздоровленіи и уѣхалъ въ Варшаву!

Тогда судъ, усмотрѣвъ во внезапности отъѣзда незаконность неявки, постановилъ на основаніи 149 ст. положенія *единогласное* заочное рѣшеніе о предложеніи Г. Квитницкому подать въ отставку. Судъ во всѣхъ отношеніяхъ, имѣлъ право такъ поступить, что̀ и признано Главнымъ Военнымъ Судомъ.

На этомъ мѣстѣ мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться, чтобы собранными нами свѣдѣніями уяснить нѣсколько темный для насъ вопросъ о посылкѣ Г. Квитницкому *вторичной* повѣстки прибыть въ „Судъ Общества Офицеровъ“.

На первое приглашеніе Г. Квитницкій отвѣчалъ извѣщеніемъ о своей болѣзни, препятствовавшей ему прибыть въ судъ, почему, по распоряженію бригаднаго командира, онъ былъ освидѣтельствованъ бригаднымъ крачемъ и найденъ въ такомъ состояніи, что не только могъ, но даже долженъ былъ выходить изъ своей квартиры. Слѣдовательно, строго говоря, Г. Квитницкій, если бы не уклонялся, могъ прибыть въ засѣданіе суда и дать тамъ необходимыя объясненія. Но судъ, сдѣлавъ ему уступку, *рѣшилъ послать вторичную повѣстку,* съ предложеніемъ Г. Квитницкому извѣстить — когда именно можетъ онъ прибыть въ судъ. Эту *вторич-*

ную повѣстку, за своею подписью, долженъ былъ отправить по назначенію предсѣдатель „Суда Общества Офицеровъ“ Полковникъ Канищевъ.

Теперь представляется вопросъ: *была или не была* отправлена эта вторичная повѣстка?

Мы полагаемъ, что повѣстка *была* послана Полковникомъ Канищевымъ и вручена по принадлежности, безъ этого не зачѣмъ было бы Г. Квитницкому, рапортовавшемуся уже больнымъ, доносить *второй разъ* о своей болѣзни, препятствующей ему оставлять постель. Это послѣднее донесеніе было уже въ рукахъ Полковника Канищева, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Г. Квитницкій подалъ третій рапортъ — на этотъ разъ уже о своемъ *внезапномъ выздоровленіи* и объ отъѣздѣ въ Варшаву. Тогда, конечно, члены офицерскаго суда, возмущенные подобнымъ образомъ дѣйствій Г. Квитницкаго, признавая во внезапности отъѣзда не только незаконную неявку, но и безспорное укрывательство отъ суда, постановили, на основаніи 149 ст. положенія, единогласный заочный приговоръ о предложеніи Г. Квитницкому подать въ отставку.

Изъ показаній одного изъ членовъ „Суда Общества Офицеровъ“ Поручика Попова‘ данныхъ имъ *въ Главномъ Военномъ Судѣ* *), видно, что при постановленіи приговора Полковникъ Канищевъ *не сказалъ* членамъ офицерскаго суда, что вторичная повѣстка не была имъ послана Г. Квитницкому; точно также члены *не знали* и о вторичномъ рапортѣ

---

*) Припомнимъ, что въ *Военно-Окружномъ Судѣ* Поручикъ Поповъ не вызывался!

о болѣзни Г. Квитницкаго. Напротивъ, они убѣждены были, что *вторичная* повѣстка *была вручена* Г. Квитницкому и не смотря на это онъ внезапно уѣхалъ.

Незаконность неявки Г. Квитницкаго была для нихъ очевидна; приговоръ былъ постановленъ и первымъ подписалъ его Полковникъ Канищевъ.

Въ своихъ показаніяхъ, писанныхъ на предворительномъ слѣдствіи, Полковникъ Канищевъ говоритъ, что онъ *утвердилъ* приговоръ своею подписью. Намъ это кажется страннымъ. Предсѣдатель въ „Судѣ Общества Офицеровъ" не утверждаетъ приговоры, а подписываетъ ихъ *на одинаковомъ правѣ* съ остальными членами и такъ какъ въ данномъ случаѣ приговоръ подписывался по старшинству, то Полковникъ Канищевъ подписалъ его *первымъ*, что и видно на подлинномъ приговорѣ, имѣющемся въ дѣлѣ. Въ Окружномъ-же судѣ на вопросъ одного изъ членовъ суда: *такимъ образомъ онъ* (Г. Квитницкій) *считался больнымъ, на другой день выѣхалъ въ Варшаву, и вы считали возможнымъ судить его?* — Полковникъ Канищевъ лаконически отвѣчалъ: *заочный приговоръ былъ постановленъ.*

Наивное желаніе и еще болѣе наивный способъ, къ которому прибѣгаетъ Г. Канищевъ, чтобы уменьшить значеніе своей подписи на приговорѣ и затѣмъ неопредѣленность только что приведеннаго отвѣта его въ Военно-Окружномъ Судѣ, поводятъ насъ на предположеніе о двусмысленности образа дѣйствій Г. Канищева. *) Въ самомъ дѣлѣ: въ „Судѣ

*) Вѣроятно Г. Канищевъ думаетъ, что говоря *утвердилъ*, а не — *подписалъ*, онъ уменьшаетъ и свое участіе въ постановленіи приговора(?);

Общества Офицеровъ“ Полковникъ Канищевъ почему-то скрываетъ отъ членовъ обстоятельство, что вторая повѣстка не была имъ послана *); ни слова членамъ объ этомъ не заявляетъ; умалчиваетъ о полученіи вторичнаго рапорта о болѣзни и самъ подписываетъ приговоръ! Такимъ образомъ дѣйствій Полковникъ Канищевъ, Предсѣдатель „Суда Общества Офицеровъ“ ввелъ этотъ судъ въ заблужденіе, что̀ и подтвердилось показаніемъ Поручика Попова въ Главномъ Военномъ Судѣ.

Относительно *этой вторичной* повѣстки показанія Полковника Канищева вообще крайне сбивчивы и разнообразны. На дознаніи, производившемся еще до предварительнаго слѣдствія, Г. Канищевъ показалъ, что судъ *только хотѣлъ* послать вторичную повѣстку; въ письменныхъ своихъ показаніяхъ на предварительномъ слѣдствіи (стр. 102) Полковникъ Канищевъ уже говоритъ, что повѣстка *была отправлена* и что когда ему сдѣлалось извѣстнымъ о второмъ рапортѣ о болѣзни Г. Квитницкаго, то онъ приказалъ (неизвѣстно кому?) остановить повѣстку; но ему сказали (неизвѣстно кто?), что она уже отправлена. Наконецъ въ Окружномъ Судѣ Полковникъ Канищевъ, на троекратно предлагавшійся ему вопросъ относительно вторичной повѣстки, три раза категорически отвѣчалъ, что повѣстка *не посылалась*. Въ которомъ-же изъ этихъ различныхъ по-

---

Вообще Г. Канищевъ, какъ изъ всего видно, оказалъ весьма плохую услугу Г. Квитницкому!

*) Еслибы онъ дѣйствительно ее не посылалъ, то почему бы не сказать этого членомъ офицерскою суда?

казаній Г. Канищева заключается истина? На этотъ вопросъ можетъ и долженъ отвѣчать только самъ Полковникъ Канищевъ. Мы-же, оставляя этотъ вопросъ не разъясненнымъ, прибавимъ, что если повѣстка *не была послана,* то Полковникъ Канищевъ, какъ выше замѣчено, ввелъ офицерскій судъ въ заблужденіе и потому если приговоръ его можетъ считаться постановленнымъ неправильно, то отвѣтственность за это падаетъ на Полковника Канищева. Если-же повѣстка *была послана* (что разумѣется несравненно вѣроятнѣе), то Полковникъ Канищевъ далъ въ Военно-Окружномъ судѣ *невѣрное показаніе.* Въ обоихъ случаяхъ, мы предоставляемъ другимъ произнести оцѣнку образа дѣйствій Полковника Канищева.

Относительно *единогласія* въ постановленіи о Г. Квитницкомъ приговора „Суда Общества Офицеровъ“ замѣтимъ слѣдующее: всякому извѣстно какъ постановляются судебные приговоры. Законъ самъ указываетъ на внутреннее убѣжденіе суда, которымъ онъ долженъ руководствоваться, при рѣшеніи вопроса о виновности, или невинности обвиняемаго. Этому внутреннему убѣжденію законъ даетъ такое высокое значеніе, что и не контролируетъ его. Защитникъ однако нашелъ нужнымъ произвести контроль въ отношеніи предсѣдателя — Полковника Канищева и одного изъ членовъ „Суда Общества Офицеровъ“ — поручика Хитрово и если эти лица своими объясненіями дали защитнику полное право публично заявить, что въ постановленіи и подписаніи приговора они руководились не внутреннимъ убѣжденіемъ и совѣстью, а дѣйствовали такъ, будучи подъ какимъ-то вліяніемъ, то на нихъ и должна пасть нравственная и юридическая отвѣт-

ственность за всѣ послѣдствія такого отсутствія у нихъ собственныхъ убѣжденій! Жаль, что не были спрошены въ Военно-Окружномъ судѣ остальные три члена офицерскаго суда *) — характеристика первыхъ двухъ вышла бы еще рельефнѣе!

Вообще, въ этой исторіи образъ дѣйствій Г. Канищева, какъ предсѣдателя „Суда Общества Офицеровъ“ и старшаго офицера въ Гвардейской Конной Артиллеріи, заставляетъ удивляться какимъ образомъ, при существованіи свободнаго выбора, Г. Канищевъ могъ быть избранъ на должность предсѣдателя? **) Вѣроятно это объясняется случайностью, такъ часто встрѣчающимися при всякихъ выборахъ и это тѣмъ вѣроятнѣе, что даже самъ Г. Квитницкій, бывшій, какъ видно изъ собственныхъ его словъ, въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Полковникомъ Канищевымъ, обрисовываетъ его въ своихъ письменныхъ показаніяхъ на предварительномъ слѣдствіи слѣдующими словами: *въ высшей степени слабохарактерность, отсутствіе всякихъ убѣжденій (!) и полная неспособность своимъ вліяніемъ удерживать молодыхъ и подчиненныхъ ему офицеровъ отъ нехорошихъ (?) поступковъ.*

Лица, о которыхъ существуютъ подобныя мнѣнія едвали пригодны для занятія судейскаго мѣста, а тѣмъ болѣе

---

*) Капитанъ Доппельмайръ, Штабсъ Капитанъ Дубровинъ и Поручикъ Поповъ, честно понимавшіе свои обязанности судей.

**) Предсѣдатель и члены „Суда Об. Оф.“ избираются, на основаніи положенія, закрытою баллотировкою, при чемъ старшій въ чинѣ изъ избранныхъ, независимо отъ числа полученныхъ имъ при избраніи голосовъ, назначается предсѣдателемъ. —

предсѣдательскаго въ какомъ бы то ни было судебномъ учрежденіи.

Еще за десять или болѣе дней до офицерскаго суда, офицеры сочли своею обязанностью предупредить товарищей въ 3й батареѣ о томъ, что Г. Квитницкій навлекъ на себя столько неудовольствій, что онѣ будутъ по необходимости разсмотрѣны „Судомъ Общества Офицеровъ“. Кромѣ того, въ виду ходившаго уже тогда слуха о намѣреніи князя Масальскаго перевести Г. Квитницкаго въ 3ю батарею, письмо, имѣвшее совершенно частный характеръ товарищескаго сообщенія и ничего собою не предрѣшавшее, было необходимо, потому что офицеры 3й батареи, оставаясь въ неизвѣстности о совершающемся событіи, имѣвшемъ общій для всѣхъ батарей интересъ, могли справедливо быть недовольны, если бы сообщенія этого не было имъ сдѣлано.

Письмо, адресованное въ Варшаву на имя командира батареи Полковника Бреверна, подписано было пятью офицерами, избранными въ составъ „Суда Общества Офицеровъ“. Такъ какъ оно должно было быть кѣмъ нибудь подписано, то офицеры признали, что удобнѣе всего подписать его именно тѣмъ лицамъ, которые уже самымъ избраніемъ ихъ въ члены офицерскаго суда, облекались довѣріемъ избирателей, а слѣдовательно довѣріемъ всѣхъ офицеровъ.

Не понятно что̀ удивительнаго находитъ защитникъ въ подписи этого письма Полковникомъ Хлѣбниковымъ и Капитаномъ Шатовымъ 1мъ, отведшими себя отъ суда, и чему тутъ удивляется Г. Герардъ?

Судъ и письмо къ товарищамъ — два совершенно различныя обстоятельства. Отъ суда Полковникъ Хлѣбниковъ

и Капитанъ Шатовъ отвели себя, а письмо подписали какъ товарищи, облеченные добѣріемъ другихъ.

За отсылкою этого письма, а за тѣмъ, по объясненнымъ выше причинамъ — отправленіемъ въ Варшаву приговора „Суда Общества Офицеровъ", дальнѣйшія дѣйствія пріостановились въ ожиданіи отвѣта на посланный приговоръ.

Наконецъ получено было отъ Полковника Бреверна письмо, которымъ предсѣдатель офицерскаго суда извѣщался, что еще до полученія въ Варшавѣ приговора, Г. Квитницкій уволенъ изъ 3й батареи въ 28ми дневный отпускъ въ Г. Вильну. Оставалось ждать окончанія срока этого отпуска, а затѣмъ уже — отвѣта на постановленный приговоръ Какъ извѣстно, отвѣта этого не суждено было получить....

И такъ полагаемъ, что и обвиненіе офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи въ неосновательности и незаконности поводовъ къ обсужденію неудовольствій противъ Г. Квитницкаго „Судомъ Общества Офицеровъ" — достаточно опровергаются всѣмъ вышеизложеннымъ.

Защитникъ увѣрялъ еще, что кромѣ оскорбленій постоянно наносимыхъ офицерами Г. Квитницкому *), его еще ставили въ безвыходное положеніе *отказами* въ удовлетвореніи за нихъ. Однако, какъ выше сказано, Поручикъ Поповъ, послѣ Январской исторіи, лично заявилъ у себя въ квартирѣ Г. Квитницкому, что принимаетъ дуэль съ нимъ, и какъ сейчасъ увидимъ, Капитанъ Шатовъ 1й прибывшимъ къ нему секундантамъ тоже не отвѣчалъ отказомъ въ дуэли съ Г. Квитницкимъ.

---

*) Эти увѣренія защитника ничѣмъ не подтвердились на судѣ.

Дѣйствительно, утромъ 25 Ноября 1872 г. въ квартиру Полковника Хлѣбникова входятъ секунданты Г. Квитницкаго Подпоручикъ 3й батареи Г. Яновичъ и гусарскій Ротмистръ Г. Пауль и отъ имени Г. Квитницкаго предлагаютъ Полковнику Хлѣбникову дуэль *за подписаніе имъ коллективнаго письма къ Полковнику Бреверну.* Полковникъ Хлѣбниковъ, по извѣстнымъ уже причинамъ, дуэли этой не принимаетъ.

Секунданты отправляются тотчасъ-же къ Капитану Шатову 1му съ тѣмъ-же предложеніемъ. Капитанъ Шатовъ 1й отвѣчалъ секундантамъ, что лично за себя онъ готовъ всегда и во всякое время принять вызовъ. Если-же Г. Квитницкій вызываетъ его *какъ члена суда,* или *какъ подписавшаго коллективное письмо,* то онъ считаетъ своею обязанностью сообщить объ этомъ своимъ товарищамъ по подписи, такъ какъ дѣло это касается уже всѣхъ офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи, а не лично его одного, *и обѣщалъ дать окончательный отвѣтъ секундантамъ на другой день,* для чего взялъ адресъ, данный ему Ротмистромъ Пауль.*)

Кто-же послѣ этого имѣетъ право сказать, что Капитаномъ Шатовымъ дуэль была не принята?

Самъ Г. Герардъ не рѣшается этого утверждать и называетъ отвѣтъ Капитана Шатова уклончивымъ. (?)

Опасенія секундантовъ, что отъ сообщенія Капитаномъ Шатовымъ своимъ товарищамъ о сдѣланномъ ему вызовѣ, дуэль могла получить огласку — были напрасны; товарищи

---

*) Затмѣчательно, что по этому поводу Капитану Шатову 1му и брату его, жившимъ въ одной квартирѣ, Военно-Окружной судъ *не предложилъ ни одного вопроса!*

не огласили бы её и дуэль состоялась бы. Совершенно позволительно, въ томъ случаѣ, когда дуэль есть послѣдствіе общаго товарищескаго дѣла, сообщить и посовѣтоваться о ней съ тѣми-же товарищами; а потому никто не имѣетъ права поставить намѣреніе Капитана Шатова ему въ укоръ.

Не такъ еще давно въ Петербургѣ надѣлала много шума дуэль, къ сожалѣнію окончившаяся смертію одного изъ противниковъ. О приготовленіяхъ къ этой дуэли знали товарищи двухъ Гвардейскихъ полковъ; но обстоятельство это не помѣшало дуэли состояться.

Огласка, какъ теперь совершенно позволительно полагать, могла выйти скорѣе съ противной стороны, такъ какъ оказывается, что въ числѣ друзей Г. Квитницкаго были лица*), которымъ *по прямымъ ихъ служебнымъ обязанностямъ,* нельзя было допустить дуэли: они *обязаны были* предупредить её!

На другой день, 26го Ноября въ 3мъ часу пополудни, секунданты *не успѣли еще получить отвѣта отъ Капитана Шатова,* какъ Г. Квитницкій, пребыванія котораго въ Петербургѣ никто изъ товарищей его не подозрѣвалъ, сдѣлалъ извѣстное нападеніе на Полковника Хлѣбникова!

Чѣмъ-же теперь объяснить эту торотливость дѣйствій? Чѣмъ объяснить такую внезапную рѣшимость?

Отвѣчать на это можно различно, но бездоказательно, чего мы себѣ не позволяемъ. Остаются предположенія. На-

---

*) Г. Путилинъ — начальникъ сыскной полиціи въ С. Петербургѣ и другіе, которымъ, какъ обнаружилось на судѣ, извѣстно было о предстоявшей дуэли!

примѣръ, секунданты, передавая Г. Квитницкому результатъ исполненнаго ими полномочія къ Полковнику Хлѣбникову и къ Капитану Шатову, могли передать ему личныя свои впечатлѣнія и тѣмъ, до нѣкоторой степени, дать Г. Квитницкому право на печальную рѣшимость. На такое предположеніе наводитъ самъ Г. Герардъ. Вотъ какъ передаетъ онъ слова секундантовъ, сказанныя ими Г. Квитницкому: *Нытъ они не хотятъ съ тобою драться! Они оскорбили тебя и смѣются надъ тобою. Они незаконно, незаслуженно убили твою честь и, когда ты требуешь отъ нихъ удовлетворенія, они говорятъ: мы стрѣляться съ тобою не хотимъ, мы знать тебя не хотимъ!* Сомнительно, чтобы секунданты сами подали Г. Герарду поводъ къ такому утвержденію.

Секунданты не имѣли никакого основанія передавать Г. Квитницкому такихъ извѣстій и *въ такой формѣ*. Думаемъ, что они серіознѣе понимали свои обязанности; въ противномъ случаѣ всякая ихъ ошибка, или случайная неточность, въ передачѣ, была бы уже прискорбна, а преднамѣренная невѣрность — преступна. Имъ лучше всѣхъ должно быть извѣстно въ чемъ надобно искать истиннаго объясненія поступка Г. Квитницкаго. Если же такъ или иначе Г. Квитницкій былъ ими вовлеченъ въ преступленіе, то онъ заслуживаетъ сожалѣнія и снисхожденія.

Коментировать нападеніе мы не станемъ — оно говоритъ само за себя, какъ и увѣреніе Г. Квитницкаго *о случайности* встрѣчи его съ Полковникомъ Хлѣбниковымъ. Не думаемъ, чтобы на этотъ счетъ мнѣнія могли быть различны. Въ самомъ дѣлѣ, Г. Квитницкій въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что́ стоя у комендантскаго подъѣзда Зимняго Дворца,

онъ увидѣлъ, при поворотѣ съ площади на Невскій, ѣхавшаго въ саняхъ Полковника въ формѣ Гвардейской Конной Артиллеріи и ему показалось, что это былъ Полковникъ Канищевъ.

Разглядѣть на разстояніи почти *полуверсты* и въ многолюдномъ мѣстѣ, чинъ и форму одежды *закутаннаго въ шинель* офицера и въ тоже время не отличить Полковника Канищева, человѣка весьма большаго роста и тучнаго, отъ Полковника Хлѣбникова, который во всѣхъ размѣрахъ чуть не вдвое меньше перваго — право, болѣе чѣмъ странно!

Всего вышеизложеннаго мы считаемъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы опровергнуть взведенныя на офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи обвиненія; поэтому другія мелкія обвиненія, которыми испещрены показанія Г. Квитницкаго и защитительная рѣчь Г. Герарда — мы оставляемъ въ сторонѣ. Это въ сущности уже не обвиненія, а скорѣе сбродъ навѣтовъ и нареканій. Все-же существенное нами разобрано и, надѣемся — опровергнуто: 1) объяснена причина общаго нерасположенія къ Г. Квитницкому его товарищей; 2) доказано, что никакихъ *интригъ*, а тѣмъ болѣе такихъ, какими рисуетъ ихъ воображеніе Г. Герарда, между офицерами Гвардейской Конной Артиллеріи не было; 3) доказано, что „Судъ Общества Офицеровъ“ имѣлъ право поступить такъ какъ онъ поступилъ и наконецъ 4) опровергнуто мнѣніе защитника объ отказахъ Г. Квитницкому въ удовлетвореніи.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ опроверженіяхъ нѣтъ ничего бездоказательнаго; ссылки на официальные документы и на предварительное слѣдствіе — говорятъ сами за себя. Ничего подобнаго, для подтвержденія своихъ словъ ни Г. Квит-

ницкій, ни его защитникъ представить не могли, и если бы свидѣтели не были поставлены въ Военно-Окружномъ судѣ въ исключительное положеніе, то нельзя не быть убѣжденнымъ, что общее впечатлѣніе отъ процесса было бы *иное*.

Г. Герардъ, хорошо знакомый съ содержаніемъ предварительнаго слѣдствія, отлично понялъ чего ему не слѣдовало касаться на судѣ, о чемъ не слѣдовало спрашивать свидѣтелей*), дабы тѣмъ не компрометировать своего кліента. Словомъ, Г. Герардъ отлично воспользовался предоставленною ему Военно-Окружнымъ судомъ полною свободою дѣйствій и правомъ вести судебное слѣдствіе единственно по собственному своему усмотрѣнію.

Говоря это, мы вовсе не имѣемъ намѣренія отрицать права и обязанности защиты изыскивать способы къ облегченію участи подсудимаго. Но способы — способамъ рознь!

Защита прежде всего должна быть *правдивою*. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, утверждающихъ, что защитѣ позволительно всё, даже умышленное введеніе въ заблужденіе тѣхъ, отъ кого зависитъ участь подсудимаго. Избитая іезуитская поговорка — цѣль оправдываетъ средства — столь-же безнравственна въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ.

Бездоказательность показаній Г. Квитницкаго и защитительной рѣчи Г. Герарда бросаются въ глаза. Безусловная свобода дѣйствій защитника и упорное молчаніе Помощника Прокурора Капитана Гольмблата, который еще вначалѣ от-

---

*) и какихъ изъ нихъ не вызывать вовсе.

казался отъ допроса свидѣтелей, удивляли многихъ присутствовавшихъ въ залѣ суда. Только такимъ независимымъ положеніемъ защитника объясняется лёгкость его успѣха.

Почему-же одинъ полновластвовалъ, а другой безмолствовалъ? Вотъ вопросъ, который много разъ повторялся. Отвѣтъ на него данъ уже нами выше, при указаніи на давленіе, подъ вліяніемъ котораго находились и Судъ и Помощникъ Прокурора.

Блистательный успѣхъ защиты былъ однако не всѣми одинаково оцѣненъ. Нѣтъ, этого и быть не могло, потому что не всѣми одинаково оцѣнены *способы,* которыми она велась! Г. Герардъ увлекъ за собою далеко не всѣхъ; а изъ тѣхъ, которые безпристрастно и внимательно слѣдили за процессомъ не увлекъ никого. Для этого ему нужны были бы болѣе положительныя данныя, за неимѣніемъ которыхъ онъ рѣшился, что называется, *валить съ больной головы на здоровую.* Избравъ такой способъ защиты, Г. Герардъ принялся во чтобы ни стало обвинять свидѣтелей, опираясь при этомъ не на доказанные факты, *а только на свои личныя убѣжденія и на показанія Г. Квитницкаго,* которому онъ, какъ самъ выразился, *привыкъ вѣрить.*

До того чему *вѣритъ* Г. Герардъ никому нѣтъ дѣла. Вѣрить, или не вѣрить чему нибудь — предоставляется, разумѣется, полной свободѣ Г. Герарда; но за то и убѣжденія его ни для кого не обязятельны. Если-же по его понятіямъ, онѣ даютъ ему право публично бросать кому нибудь бездоказательное обвиненіе въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя онъ самъ называетъ безнравственными и которыя нельзя не признать таковыми, то эти понятія Г. Герарда можно назвать по

меньшій мѣрѣ странными. Защитникъ забылъ осторожность при оцѣнкѣ фактовъ, осторожность тѣмъ болѣе необходимую, что оцѣнка вела къ общимъ выводамъ, а потому эти выводы и заключенія вышли у Г. Герарда столь-же бездоказательны, какъ и сообщенные имъ факты!

Резюмируя дѣло Г. Квитницкаго въ короткихъ словахъ, оно представляется весьма несложнымъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что общество офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи, составляющее, какъ и общество офицеровъ всякой другой отдѣльной военной части, корпоративное цѣлое, *не могло ужиться* съ Г.-мъ Квитницкимъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оно тщетно ожидало, что Г. Квитницкій, станетъ *ужившивѣе;* но по безуспѣшности этихъ ожиданій оно наконецъ вынужденнымъ нашлось, въ слѣдствіе накопленія массы неудовольствій, прибѣгнуть къ посредству „Суда Общества Офицеровъ", приговоромъ котораго Г-ну Квитницкому предложено оставить службу въ Гвардейской Конной Артиллеріи.

Вопросъ о правѣ корпоративныхъ военныхъ обществъ*) свободно выражатъ свое расположеніе, или нерасположеніе къ каждому изъ своихъ членовъ, а слѣдовательно и о правѣ желать, или не желать имѣть извѣстныхъ членовъ въ своей средѣ — кажется, не можетъ быть рѣшенъ иначе какъ утвердительно.

---

*) Разумѣя подъ этимъ выраженіемъ общества офицеровъ въ полкахъ, артиллерійскихъ бригадахъ, отдѣльныхъ баталіонахъ и другихъ отдѣльныхъ частяхъ.

Всѣ сословныя и цеховыя общества пользуются этимъ правомъ на основаніи положительнаго закона. Злоупотребленіе имъ едва-ли возможно; если-же иногда могутъ случаться ошибки, то за то въ значительномъ большинствѣ случаевъ польза отъ этого права неисчислима.

Обращаясь къ русскому военному сословію мы замѣчаемъ, что въ немъ не въ силу закона, а подъ вліяніемъ исторически сложившихся обстоятельствъ и времени, а также по особенностямъ комплектованія арміи, выработались и прочно установились извѣстныя *военно-сословные обычаи и понятія.* Эти понятія и обычаи, во многомъ весьма не сходные съ понятіями и обычаями другихъ сословій, такъ сказать *спеціализировались.* Измѣняясь же сообразно извѣстнымъ требованіямъ времени и общаго прогресса они никогда не могутъ измѣнить своихъ характерныхъ особенностей, дѣлающихъ ихъ *спеціально военными.*

Кромѣ *общихъ* военно-сословныхъ понятій и обычаевъ сложились еще нѣкоторые *особенные,* различные въ различныхъ родахъ оружія и наконецъ различные даже въ отдѣльныхъ частяхъ однаго и того-же рода оружія.

Въ каждой изъ этихъ отдѣльныхъ частей живутъ свои преданія, свои привычки и обычаи; существуютъ извѣстныя требованія, иногда даже мелочныя и предразсудочныя; но всегда имѣющія только одну цѣль — поддержаніе какъ внутренняго, такъ и наружнаго достоинства части.

Ссылаемся въ этомъ на авторитетъ многихъ достойныхъ старослуживыхъ — отъ простаго солдата до лицъ въ высшихъ чинахъ — которые съ чувствомъ своеобразной гордости произносятъ, имя полка или другой части, въ которой, какъ

всегда въ этихъ случаяхъ говорится, они *имѣли честь служить* и гдѣ въ свою очередь они неминуемо подчинялись извѣстнымъ требованіямъ и обычаямъ. Репутація и достоинство ихъ части на всегда остаются имъ близкими.

Чѣмъ-же выработалось такое отношеніе? Отвѣчаемъ у твердительно — *корпоративностью духа*, разлившеюся самостоятельно въ каждой отдѣльной части. Тою корпоративностью, которая всѣхъ членовъ одной и той-же части сплочиваетъ въ одно органическое тѣло. Говоря это мы далеки отъ мысли исключать необходимость предоставленія въ военномъ сословіи самостоятельности развитія личности и человѣческаго духа. Отнюдь нѣтъ: свобода въ этомъ смыслѣ здѣсь столь-же необходима, какъ и во всякой другой средѣ. Мы только хотѣли указать на существующій и необходимый въ отдѣльныхъ частяхъ войска *духъ единства*, служащій залогомъ той круговой поруки, степенью которой опредѣляется въ извѣстныхъ случаяхъ благонадежность части.

Независимо отъ необходимости корпоративнаго духа въ войскахъ съ точки зрѣнія *чисто военной*, онъ столь-же необходимъ и какъ условіе *общежитія*.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы невыносимо жить въ обществѣ людей, собранныхъ въ одно мѣсто, ради одного общаго труда и общихъ цѣлей, еслибы въ этомъ обществѣ не существовало достаточнаго единства между его членами; не было бы такъ сказать одного устава въ одинаковой степени для всѣхъ обязательнаго.

Уже по одной необходимости жить вмѣстѣ, въ офицерскихъ кружкахъ такъ сознается необходимость единства, что вновь вступающіе члены безусловно подчиняются прежде

принятымъ порядкамъ, обычаямъ и требованіямъ. Кому они не нравятся, или тяжелы, тѣ могутъ свободно удалиться; *съ своимъ-же уставомъ въ чужой монастырь не вступаютъ.*

Въ прежнее время товарищескіе офицерскіе кружки, въ полкахъ и другихъ отдѣльныхъ частяхъ, управлялись сами со своими членами, которые почему либо оказывались неподходящими, или не отвѣчающими требованіямъ того офицерскаго общества, въ среду котораго они попадали. Такой неудобный членъ или подчинялся существующимъ требованіямъ, или удалялся.

Отсутствіе *законныхъ постановленій,* которыми общества офицеровъ могли бы руководствоваться, въ случаѣ возмущенія ихъ спокойствія какимъ нибудь неудобнымъ товарищемъ, было прежде иногда причиною разнообразныхъ непріятныхъ послѣдствій. Но военное законодательство, вполнѣ признавая за обществомъ офицеровъ право быть судьями своихъ членовъ, въ случаѣ обнаруженія въ нихъ свойствъ, или содѣянія ими поступковъ, обличающихъ въ ихъ недостатокъ правилъ благородства, а также предоставивъ товарищамъ разборъ случающихся между офицерами *ссоръ,* установило особое на этотъ предметъ положеніе *О судѣ Общества Офицеровъ.*

Это отступленіе мы сочли необходимымъ сдѣлать, чтобы еще разъ независимо отъ всего того, что сказано было нами выше, показать, что офицеры Гвардейской Конной Артиллеріи, будучи въ постоянномъ разладѣ съ Г. Квитницкимъ, личныя качества котораго вели къ постояннымъ столкновеніямъ и *ссорамъ,* нарушавшимъ общее спокойствіе, имѣли полнѣйшее право желать прекращенія подобнаго порядка вещей.

Многочисленными непріятностями чаша терпѣнія товарищей переполнилась и послѣднее столкновеніе въ манежѣ 12 Января 1872 года было послѣднею каплею, которая пролила уже всю чашу!

Г. Квитницкаго убѣждали оставить службу въ Гвардейской Конной Артиллеріи. Видимо уже было, что никогда не ужиться ему въ этомъ обществѣ; но Г. Квитницкій былъ непреклоненъ, упорствовалъ и отвѣчалъ даже *полнѣйшимъ пренебреженіемъ* на заявленія товарищей. „Судъ Общества Офицеровъ“ — было послѣднее средство, къ которому вынуждены были обратиться товарищи Г. Квитницкаго, чтобы такъ или иначе водворить между офицерами спокойствіе, котораго они уже давно были лишены.

Отдѣльныя, личныя объясненія каждаго изъ офицеровъ съ Г. Квитницкимъ не повели бы ни къ чему, кромѣ возбужденія къ новымъ ссорамъ. Только „Судъ Общества Офицеровъ“, и только онъ одинъ, могъ категорически выяснить мотивы многочисленныхъ неудовольствій Г. Квитницкаго со своими товарищами и опредѣлить разъ на всегда: возможно, или нѣтъ какое нибудь соглашеніе? Рѣшеніе Суда, каково бы оно ни было, стало бы одинаково обязательно, какъ для Г. Квитницкаго, такъ и для его товарищей. Обѣ стороны обязаны были бы подчиниться постановленію Суда и затѣмъ всѣмъ неудовольствіямъ положенъ былъ бы конецъ. Это убѣжденіе было общимъ и изъ него возникла потребность обратиться къ „Суду Общества Офицеровъ.“

Чѣмъ окончилъ бы офицерскій судъ, если бы Г. Квитницкій явился въ него — неизвѣстно; но благодаря принятому въ этомъ дѣлѣ Княземъ Масальскимъ непосредственному

участію, Г. Квитницкій, переведенный въ 3ю батарею Гвардейской Конной Артиллеріи, внезапно уѣзжаетъ въ Варшаву и, какъ мы выше видѣли, даетъ право „Суду Общества Офицеровъ“ постановить о немъ заочный приговоръ.

Далѣе Г. Квитницкій, прибывъ секретно въ Петербургъ, производитъ неожиданное нападеніе на Полковника Хлѣбникова, которому наноситъ ударъ обнаженною саблею. Это послѣднее событіе приводитъ Г. Квитницкаго на скамью подсудимыхъ въ С. Петербургскомъ Военно-Окружномъ судѣ.

Мы уже видѣли какъ отнесся къ дѣлу Петербургскій Военно-Окружной судъ. Онъ приступилъ къ разслѣдованію и обсужденію мотивовъ, по которымъ поступки Г. Квитницкаго должны были быть разсмотрѣны „Судомъ Общества Офицеровъ“ и допустилъ обсужденіе правильности постановленнаго Офицерскимъ Судомъ приговора. Это такія дѣйствія Военно-Окружнаго Суда, которыя превышаютъ его права. Военно-Окружному Суду очень хорошо извѣстно, что „Суды Общества Офицеровъ“ изъяты отъ всякаго контроля и что на приговоры ихъ *нѣтъ аппеляціи*, а потому обсужденіе Военно-Окружнымъ Судомъ дѣйствій „Суда Общества Офицеровъ“ *есть одно изъ самыхъ существенныхъ нарушеній* *), допущенныхъ имъ при разбирательствѣ дѣла о Г. Квитницкомъ.

Допустивъ даже такое нарушеніе, С. Петербургскій Военно-Окружной судъ, какъ изъ предварительнаго слѣдствія,

---

*) Какъ это указалъ и Главный Военный Прокуроръ въ Главномъ Военномъ Судѣ 7го Марта.

такъ и изъ всего того, *что̀ могло бы быть* выяснено на судѣ долженъ былъ бы прійти къ заключенію, что Г. Квитницкій *не понималъ* своего положенія между товарищами; *не понималъ*, что они имѣли основанія не желать имѣть его въ своей средѣ; наконецъ *не понималъ* значенія и *правъ* „Суда Общества Офицеровъ“, какъ *не понималъ* и безразсудности нападенія на бывшаго своего командира Полковника Хлѣбникова. Только *это абсолютное непониманіе* и могло быть признано С. Петербургскимъ Военно-Окружнымъ судомъ какъ обстоятельство уменьшающее вину подсудимаго, а вовсе не то несчастное стеченіе обстоятельствъ и не неправильныя дѣйствія товарищей Г. Квитницкаго, которыхъ судъ *не обнаружилъ*, потому что на самомъ дѣлѣ такихъ дѣйствій не было.

Признавъ-же, что Г. Квитницкій дѣйствовалъ въ силу несчастнаго будто бы для него стеченія обстоятельствъ С. Петербургскій Военно-Окружной Судъ, чуть не возвелъ поступки Г. Квитницкаго въ геройскіе и постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи подсудимаго. *) Всю-же тяжесть обвиненія и отвѣтственность за поступки Г. Квитницкаго судъ возложилъ на свидѣтелей, дѣйствія которыхъ призналъ неправильными и создавшими несчастное для Г. Квитницкаго стеченіе обстоятельствъ!

Надобно полагать, что благодаря такому одностороннему взгляду С. Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда на

*) Въ первоначальномъ приговорѣ, объявленномъ въ самый день суда 9 февраля, постановлено было ходатайствовать *о совершенномъ* помилованіи. Въ приговорѣ-же въ окончательной формѣ это выраженіе уничтожено.

дѣло и сообразно съ этимъ одностороннему-же постановленію приговора, хадатайство суда о помилованіи не удостоилось Высочайшаго соизволенія. Верховная власть поставлена была въ необходимость *карать, а не миловать!* Г. Квитницкій разжалованъ въ рядовые.

Впрочемъ Военно-Окружной Судъ, какъ учрежденіе лишенное необходимой независимости въ своихъ дѣйствіяхъ освобождается до нѣкоторой степени отъ справедливыхъ нареканій за такой исходъ процесса, которому удивляется всякій мало-мальски свѣдущій юристъ и даже просто здравомыслящій человѣкъ. Дѣйствія-же администраціи т. е. военнаго начальства были поистинѣ изумительны.

Въ самомъ заллѣ засѣданія 8го и 9го Февраля, въ многочисленныхъ рядахъ присутствовавшихъ тамъ высокопоставленныхъ и начальствующихъ лицъ, слышались возгласы объ упадкѣ дисциплины, о несообразности съ нею положенія о „Судахъ Общества Офицеровъ“ и видимо выражались симпатіи подсудимому.

Между тѣмъ всякій посторонній слушатель, интересовавшійся собственно *дѣломъ*, все болѣе и болѣе убѣждался изъ всего слышаннаго и видѣннаго имъ, что судъ производитъ разбирательство по какой-то *заранѣе опредѣленной программѣ*, задавшись *опредѣленною цѣлью* — и постороннему слушателю оставалось только недоумѣвать!

Судъ, удалившись въ комнату совѣщаній, еще не вынесъ приговора, когда многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ начали подходить къ Г. Квитницкому и его защитнику; жали имъ руки и громко заявляли о своей симпатіи къ подсудимому и о благородствѣ его поступковъ! Странно было

глядѣть на эти овацiи, да еще въ Военно-Окружномъ Судѣ; овацiи производимыя лицами, вопившими объ упадкѣ въ войскахъ дисциплины и такъ явно потворствующими теперь этому упадку неумѣстными заявленiями своего сочувствiя лицу, показавшему отсутствiе всякаго понятiя о дисциплинѣ.

Приговоръ С. Петербургскаго Военно-Окружного Суда, заключавшiй въ себѣ почти оправданiе Г. Квитницкаго и обвиненiе свидѣтелей, въ томъ числѣ и бригаднаго командира, произвелъ на всѣхъ свое дѣйствiе: одни усматривали въ немъ достиженiе своихъ происковъ, другiе видѣли въ немъ только профанацiю *суда* и возможность возвращенiя къ произволу.

Дѣло это, или какъ его называли въ обществѣ *артиллерiйская исторiя* возбудило много толковъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что обвиненные свидѣтели желаютъ возражать противъ несправедливыхъ обвиненiй и намѣрены, въ день объявленiя приговора въокончательной формѣ 14 Февраля, подать кассацiонныя жалобы. Но уже 11 числа Главнокомандующiй Войсками Гвардiи Великiй Князь Николай Николаевичъ приказалъ пятерыхъ изъ этихъ свидѣтелей арестовать, впредь до приказанiя, съ содержанiемъ на гауптвахтахъ, каждаго пòрознь, а Полковника Хлѣбникова — подвергнуть домашнему аресту на квартирѣ, съ приставленiемъ часового.

Такимъ образомъ арестованы были на гауптвахтахъ: Капитанъ Шатовъ 1й, Штабсъ-Капитаны Шатовъ 2й и Кехли, Поручикъ Щербинскiй и Поручикъ Поповъ. Надобно замѣтить, что Капитанъ Шатовъ 1й въ это время страдалъ

уже явными признаками психическаго разстройства и несмотря на это онъ былъ схваченъ ночью, разлученъ съ братомъ и отвѣзенъ на гауптвахту!

Никто не зналъ причины и цѣли этихъ арестовъ. Въ городѣ ходили на этотъ счетъ самые рязнообразные толки; но никто не оправдывалъ этой мѣры.

Пущена была неизвѣстно кѣмъ молва будто офицеры Гвардейской Конной Артиллеріи намѣрены вызвать Г. Герарда на дуэль. Неужели кто нибудь повѣрилъ этой нелѣпой выдумкѣ? Г. Герардъ даже печатно её опровергъ. Но если бы у офицеровъ и было подобное намѣреніе, то неужели могли его предупредить такою мѣрою какъ арестъ, продолжавшійся четверо сутокъ?! Если этимъ арестомъ желали лишить офицеровъ возможности подать кассаціонныя протесты, то и въ такомъ случаѣ мѣра эта оказывалась безполезною, такъ какъ будучи даже арестованными, офицеры имѣли на это право по закону. Прибавимъ, что къ арестованному у себя на квартирѣ Полковнику Хлѣбникову распорядились поставить часовыхъ *изъ солдатъ его-же батареи,* которою онъ продолжалъ командовать! Не говоря уже о томъ, что въ приставленіи часовыхъ не было никакой надобности; но намъ кажется, что приставленіе ихъ къ арестованному *Командиру* изъ солдатъ командуемой имъ части едва-ли согласно съ самыми снисходительными требованіями дисциплины!

Чрезъ четыре дня арестованные офицеры были освобождены и такимъ образомъ получили возможность лично подать свои кассаціонныя жалобы, обсужденіе которыхъ и

было предметомъ засѣданія Главнаго Военнаго Суда 7 Марта.*)

Здѣсь Главный Военный Прокуроръ Статсъ-Секретарь Философовъ, въ своей обстоятельной и строго-послѣдовательной рѣчи, изложилъ какъ самыя жалобы свидѣтелей, такъ и соотвѣтственныя узаконенія и своимъ заключеніемъ привелъ Главный Военный Судъ къ убѣжденію въ несправедливости взведенныхъ С. Петербургскимъ Военно-Окружнымъ судомъ обвиненій на офицеровъ, подавшихъ кассаціонныя жалобы. Другими словами, Главный Военный Судъ *призналъ несправедливымъ обвиненіе офицеровъ въ возбужденіи и поддержаніи среди товарищей неудовольствій противъ Г. Квитницкаго.* Слѣдовательно и не было *никакой противъ него интриги.*

Вслѣдъ за этимъ весьма многіе офицеры Гвардейской Конной Артиллеріи, послѣ всѣхъ перенесенныхъ и пережитыхъ ими несправедливостей, не желая долѣе продолжать службу рѣшили: нѣкоторые — оставить её вовсе, а другіе — перемѣнить её на другую.

Въ числѣ подавшихъ въ отставку, нѣкоторые офицеры **) уволены были безъ награжденія ихъ слѣдующими чинами и безъ мундировъ, не смотря на то, что выслужили право на эти преимущества. Какъ оказалось въ послѣдствіи, этой новой несправедливостью названные офицеры обязаны

*) Въ промежутокъ этого времени на приговоръ С. Петербургскаго Военно-Окружнаго суда о Г. Квитницкомъ послѣдовала Высочайшая конфирмація. Это и было причиною того, что приговоръ Окружнаго суда могъ быть кассированъ не весь, а только въ той части его, которая касалась свидѣтелей.

**) Капитанъ Шатовъ 1-й, Штабсъ-Капитанъ Шатовъ 2-й, Поручикъ Поповъ и Поручикъ Щербинскій.

были уже своему артиллерійскому начальству *), которое можетъ быть изъ личнаго кому нибудь угожденія, или просто изъ желанія сдѣлать непріятность, просило, *безъ объясненія причинъ*, объ увольненіи ихъ безъ преимуществъ. Но офицеры эти подали куда слѣдуетъ докладныя записки, въ которыхъ просили о предоставленіи имъ законныхъ ихъ правъ на преимущества; въ слѣдствіе чего и воспослѣдовало 9 Мая Высочайшее повелѣніе объ увольненіи всѣхъ этихъ офицеровъ съ слѣдуемыми имъ преимуществами т. е. съ мундирами и съ награжденіемъ слѣдующими чинами.

Оканчивая описаніе этого не лишеннаго интереса дѣла, мы не желали бы оставить безъизвѣстными и другія махинаціи, направленныя противъ офицеровъ Гвардейской Конной Артиллеріи, съ видимою цѣлью мѣшать возможности ихъ публичнаго оправданія. Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе объяснить получавшіяся разными лицами анонимныя письма съ угрозами; распускавшіяся слухи на счетъ безкорыстія уважаемаго повѣреннаго офицеровъ въ Главномъ Военномъ Судѣ**; подсылавшіеся ему совѣты и увѣщанія отказаться отъ защиты, заболѣть наканунѣ суда и проч. и проч.?! Ограничиваемся только указаніемъ на подобные благородные способы дѣйствій....

Задача правосудія была раскрыть истинныя причины событія и дать ему должную оцѣнку. Какъ ему это удалось и на сколько оно само удовлетворено — объ этомъ могутъ знать только тѣ, которые смотрѣли на обстоятельства дѣла не односторонне и судили его по внутреннему своему убѣж-

---

*) и какъ можно полагать не безъ участія Князя Масальскаго.

**) А. П. Острякова.

денію, а не по однѣмъ указаніямъ Г. Квитницкаго и его защитника. Безъ сомнѣнія правда восторжествуетъ въ свое время, а пока укажемъ на послѣдствія такого односторонняго представленія обстоятельствъ дѣла.

Цѣлая Гвардейская часть, репутація которой установлена почти столѣтіемъ ея существованія, жившая преданіями о многихъ славныхъ ея представителяхъ и всегда удостоиваемая высокаго вниманія Государя, — эта гвардейская часть забрызгана грязными навѣтами!

Рядомъ съ этимъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ цѣлой части, насчитываются еще и личныя отдѣльныя жертвы, нравственный ущербъ которыхъ не можетъ быть достаточно оцѣненъ.

Капитанъ Шатовъ 1й, съ честью прослужившій 20 лѣтъ, всегда и вездѣ первый, куда велъ его долгъ честнаго человѣка и офицера, уважаемый всѣми знавшими его, теперь подъ гнетомъ понятнаго чувства оскорбленія незаслуженнымъ обвиненіемъ въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя несовмѣстимы съ его честною натурою, — потрясенъ нравственно до такой степени, что три психіатра не опредѣляютъ даже приблизительно когда и въ какой мѣрѣ возможно для него возстановленіе.

Полковникъ Хлѣбниковъ, тоже въ теченіи 20 лѣтъ, всегда любимый и уважаемый товарищъ — обрушенъ разомъ цѣлою кучею всякихъ оскорбленій, тяжко переживаемыхъ!

Бригадный Командиръ, честнѣйшій Генералъ Губской, положившій въ службу всю жизнь и душу, отдавшись ей безвозвратно и такъ сказать уложивъ въ неё 33 года, — теперь на склонѣ своей жизни, только потому, что не былъ

достаточно настойчивъ въ своихъ *законныхъ* правахъ — оскорбленъ и такъ нравственно надломленъ, что всякія опасенія за него возможны.

Недостойныя оскорбленія коснулись даже памяти покойнаго Полковника Черницкаго, отошедшаго уже къ Тому Судьѣ, у Котораго вѣчная истина и любовь превыше всего подобнаго на землѣ!

Если за всѣмъ этимъ правосудіе считаетъ себя удовлетвореннымъ, то намъ жаль его!

Не станемъ уже перечислять всѣхъ нравственныхъ ущербовъ, понесенныхъ другими лицами.....

Для тѣхъ, которымъ присуща справедливость, правда въ этомъ дѣлѣ ясна безъ всякихъ словъ, какъ бы тщательно она не была замаскирована; а остальнымъ скажемъ: *прости имъ Господи — не вѣдаютъ бо что творятъ!*

11го Іюля 1873 г.

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.